

М. В. Шкаровский*

Болгарская Православная Церковь в годы Второй мировой войны

В период Второй мировой войны существенно обострились противоречия между деятельностью Болгарской Православной Церкви в качестве защитницы национальных интересов (что было характерно для церковного развития Болгарии со 2-й половины XIX в.) и каноническими нормами. В социалистический период деятельность Болгарской Церкви в годы Второй мировой войны оценивали негативно и предвзято. Так, например, в академическом сборнике болгарских историков «Православие в Болгарии» она называлась «существенным элементом монархическо-фашистской диктатуры»¹. Болгарский исследователь С. Джавезов определил деятельность Болгарской Церкви в годы войны, как «парадокс лицемерия»: «Церковь, носительница мира и любви между народами, осуществляла цензуру, оказала духовную и моральную поддержку господствующему классу в реализации его завоевательной политики»². Между тем архивные документы свидетельствуют, что реальная ситуация была другой. Болгарские исследователи в 1990–2000-х гг. обращались к истории православной Церкви в годы Второй мировой войны (прежде всего Д. Калканджиева, С. Елдъров и М. И. Бълхова), однако они ограничивались статьями или сравнительно небольшими главами в обобщающих трудах. Специальной монографии по данной теме написано не было.

После окончания Первой мировой войны Болгарская Православная Церковь находилась в стадии кризиса, вызванного неумением приспособиться к деятельности в границах существенно сократившегося государства. Церковь раздирали глубокие противоречия — последствия столкновения партийных, политических, государственных интересов и междоусобной борьбы духовных элит. Одним из самых громких скандалов была афера с выходом в 1939 г. брошюры митрополита Варненского и Преславского Иосифа «И я сам — ком-

* © Шкаровский М. В., 2009

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

мунист» и проведенным по этому случаю полицейским дознанием³. В 1938 г. паства Болгарской Православной Церкви насчитывала около 4,5 млн человек (84% населения страны были православными и 13% — мусульманами), имелось 3 тыс. приходов, которые окормлялись 2486 священниками. В стране было лишь 4 духовных учебных заведения: Софийская и Пловдивская Духовные семинарии, открытый в 1939 г. Богословско-пастырский институт в Черепишском монастыре и учрежденный в 1923 г. Богословский факультет Софийского университета имени св. Климента Охридского, где обучались 110 студентов. Основателем Богословского факультета являлся профессор-протоиерей (затем протопресвитер) Стефан Цанков — один из крупнейших православных теологов 1-й половины XX в. В болгарских школах в обязательном порядке преподавали Закон Божий, а в 1938 г. во всех гимназиях был введен новый курс «Религия и история Болгарской Православной Церкви», хотя законоучителей не хватало⁴.

Помимо управлявших епархиями 13 правящих архиереев имелось 5 викарных епископов. Наместником-председателем Священного Синода в 1930–1944 гг. был митрополит Видинский Неофит (Караабов). Кроме него в состав Синода входили еще 10 митрополитов: Софийский Стефан (Шоков), Пловдивский Кирилл (Марков), Велико-Тырновский Софроний, Врачанский Паисий (Анков), Доростольский и Червенский Михаил, Неврокопский Борис, Варненский и Преславский Иосиф, Сливенский Евлогий, Ловечский Филарет и Старо-Загорский Павел. После смерти митрополита Павла в ноябре 1940 г. на Старо-Загорскую кафедру был избран владыка Климент⁵. В целом Болгарской Церковью управляло относительно молодое поколение архиереев, занявшее свои кафедры в 1920-х гг., с полученным за границей (в основном в России) высшим богословским образованием и богатым преподавательским или церковно-административным опытом. Среди них наиболее яркой фигурой являлся митрополит Софийский Стефан, будущий экзарх Стефан I⁶.

6 июля 1939 г. по предложению болгарского правительства Священный Синод ввел институт военного духовенства и назначил его начальником Пловдивского митрополита Кирилла, предоставив ему свободу в определении при себе диакона и прислужника. В ноябре—декабре 1940 г. по настоянию Военного министерства Синод указал специальной комиссии составить программу преподавания вероучения в болгарской армии гарнизонными священниками, однако заметных усилий в этом деле проявлено не было. Последняя решительная попытка восстановления института военного духовенства имела место 18 ноября 1941 г., когда военный министр Т. Даскалов утвердил «Устав военного духовенства в военное время», согласно которому учреждалась военно-духовная служба в составе начальника, военных священников и диаконов. Однако большая часть предписаний этого документа осталась на бумаге, Синод интересовали другие вопросы⁷.

Отношения Болгарского экзархата с органами власти традиционно были достаточно напряженными и нередко конфликтными. Так, 14 ноября 1939 г. при открытии сессии Синода его наместник-председатель митрополит Неофит сообщил об обескураживающих результатах встречи с премьер-министром

Болгарии Б. Филовым в связи с утверждением церковного бюджета. Филов не согласился с запрашиваемым увеличением средств на содержание клира и церковных учреждений. Это дало повод Софийскому митрополиту Стефану поставить на обсуждение вопрос о «ненормальных отношениях» органов власти с Церковью. По словам Владыки, некоторые государственные руководители стремились обезличить Болгарскую Церковь и пагубным образом поставить ее в полную зависимость от Дирекции исповеданий Министерства иностранных и религиозных дел, поэтому именно органы власти стояли за участвовавшими нападениями на Церковь в печати⁸.

На заседаниях 24, 25 и 27 ноября 1939 г. Синод произвел «полную инвентаризацию» церковно-религиозной жизни, отношений архиереев и проблем в общении с гражданской властью. По мнению (вероятно, несколько преувеличенному) С. Ельдрова, это «трехдневное синодальное заседание осени 1939 г. коренным образом преобразовало жизнь Болгарской Православной Церкви и стало началом наиболее славного, но и наименее изученного периода ее новейшей истории»⁹. Заседания сопровождались дискуссией. Тон ей задал митрополит Стефан, заявивший, что после освобождения Болгарии Церковь была сознательно поставлена на задний план и постоянно находилась в конфликте с государством. Владыка призвал добиваться церковной автономии во всей полноте, без компромиссов, и, исходя из этого, коренным образом переработать устав экзархата, провести церковно-народный Собор и создать неприкосновенный центральный денежный фонд на случай возможного отделения Церкви от государства. Несмотря на различие позиций, архиереи в ходе дискуссии сошлись во мнении, что Болгарская Православная Церковь является не государственной, а народной, и ее сила исходит от народа, а не от благоволения и субсидий государства, и поэтому необходимо участие Церкви во всех сферах общественной жизни. По свидетельству С. Ельдрова, впервые за 30 лет «болгарские архиереи снова имели смелость высказать страшную идею отделения Церкви от государства»¹⁰. С целью подготовки отделения Синод начал разрабатывать программу аккумуляции необходимых моральных и материальных ресурсов¹¹.

На декабрьской сессии 1939 г. Синод принял новую редакцию устава экзархата, где глава Болгарской Церкви именовался уже не экзархом, а Патриархом, и подготовил ее для утверждения органами государственной власти. Работа над основными направлениями программы создания моральных и материальных основ новой миссии Церкви в обществе завершилась летом 1940 г. 27–28 июля 2 специально созданные комиссии представили свои доклады на обсуждение Синода. Одна из них предлагала ввести изучение Закона Божия в качестве основного предмета в средних учебных заведениях. Этот вопрос был частично решен в 1938 г., но Болгарская Церковь дополнительно настаивала на 4-часовом курсе в неделю, участия в подготовке учебной программы, а также на праве выпускников Богословского факультета Софийского университета преподавать данный предмет. Все эти предложения были представлены в правительство. Кроме того, было решено организовать во всех епархиях курсы подготовки регентов детских хоров, разрабо-

тать общую программу работы с детскими православными содружествами, открыть дома христианской учащейся молодежи (в перспективе создать Союз христианских содружеств), сиротские приюты, детские дома, клубы, бесплатные трапезные, создавать всевозможные братства, воскресные училища и т. д. На июльской сессии Синода также обсуждались вопросы борьбы с сектантством, реформы монастырской жизни, участия приходского духовенства в кооперации, дисциплины клира и др. Основные идеи докладов комиссий и синодальные решения по ним были изложены в окружном послании епархиальным архиереям от 30 июля 1940 г. и с этого времени начали осуществляться на практике¹². Принятые на основе докладов комиссий конкретные решения Синода по существу представляли единую долгосрочную программу работы с различными социальными слоями населения, нацеленную на возвращение утраченных позиций и престижа Болгарской Церкви. Во главу угла были поставлены социальная деятельность и миссионерская работа.

4 мая 1940 г. в Болгарии вступил в силу «Закон о гражданской мобилизации», и в ноябре того же года Врачанского митрополита Паисия вызвали в Военное министерство, где заявили о необходимости для Болгарской Церкви оказать содействие «духовной мобилизации» болгарского народа. Выслушав сообщение митрополита об этой беседе, Синод решил использовать ситуацию для укрепления позиции Болгарской Церкви и подготовить доклад о ее нуждах для правительства, а также отправить послание духовенству об усилении деятельности с учетом новых общественных потребностей. Оба документа, в которые вошли основные положения июльской программы Синода, были приняты в окончательной редакции 29 ноября 1940 г.

В докладе министру иностранных и религиозных дел содержались следующие пункты: 1) участие государственных служащих в богослужениях; 2) участие Церкви в воспитании молодежи, в частности необходимость отвести ей основную роль в проектируемой государственной молодежной организации «Бранник»; 3) законодательное ограничение деятельности сект; 4) строительство храмов при государственной и общественной поддержке в тех селах, где их нет; 5) устройство часовен и штатных священников в больницах и тюрьмах; 6) выделение всем приходам участков земли; 7) введение гарнизонных священников; 8) принятие такой программы религиозного обучения, которая вложит «целостное религиозно-нравственное мировоззрение в душу ученика». В подобном духе было составлено и послание Синода к пастырям, отпечатанное в 5 тыс. экземплярах. Священнослужителей призывали создать условия для «целостной мобилизации духовных сил нашего народа»¹³.

В ходе осуществления «программы духовной мобилизации» произошла существенная активизация общественной деятельности Болгарской Церкви, во многом вопреки ожиданиям органов гражданской власти. Так, в 1939/40 учебном году только в Софийской епархии имелось 631 активно работавшее детское, ученическое и студенческое христианское содружество, многие епархиальные издания в несколько раз увеличили свой тираж и т. д.¹⁴ Укрепление позиций Церкви и сплочение иерархов позволили отстаивать ее независимость от государства, и в период Второй мировой войны Болгарский экзархат

нередко проводил самостоятельный и не совпадающий с государственным курс внутренней и международной деятельности.

Следует отметить, что для Болгарской Церкви в 1930-х гг. была характерна ярко выраженная антивоенная позиция. Статьи, резко осуждавшие войну, неоднократно публиковал многолетний секретарь Синода и редактор официального «Церковного вестника» протопресвитер Стефан Цанков, но самым последовательным и энергичным сторонником мира на страницах этого журнала проявил себя Софийский митрополит Стефан. С началом Второй мировой войны в первом же военном номере «Церковного вестника» было заявлено: «Страшное зло пришло!» В последующих номерах журнала выражалась надежда на восстановление мира, Болгарии давался совет сохранять нейтралитет. По мере разрастания войны Владыка Стефан опубликовал в «Церковном вестнике» серию статей, ставших своеобразным манифестом христианского миролюбия: «Антихрист», «Второе пришествие» и «Признаки конца света»¹⁵. Однако официальная позиция Синода была более умеренной и исходила из традиционной христианской доктрины, что война является относительным злом при добронамеренных целях. Эти взгляды проявились на страницах «Церковного вестника» уже в 1940 г., а в следующем году в болгарской церковной публицистике, освещавшей проблему войны, произошла резкая перемена, связанная с вступлением в войну самой Болгарии.

Вскоре после начала Второй мировой войны, 15 сентября 1939 г., Болгария заявила о своем нейтралитете, однако через год склонилась к союзу с Германией. 7 сентября 1940 г. был подписан Крайовский договор, по которому Румыния передала Болгарии Южную Добруджу — территорию площадью 7,6 тыс. км² с населением 378 тыс. человек. Священный Синод поздравил царя Бориса III с мирным решением проблемы. Болгарским архиереям казалось, что экзархат начал восстанавливать свою прежнюю территорию и вновь является гарантом национального единства. 1 марта 1941 г. правительство премьер-министра Б. Филова подписало договор о присоединении Болгарии к Тройственному пакту, и в тот же день на ее территорию вступили немецкие войска, которые в начале апреля совершили нападение на Югославию и Грецию.

Болгария в боевых действиях не участвовала, но после военного разгрома Югославии и Греции по соглашению с Германией 6 мая 1941 г. оккупировала восточную часть Македонии (так называемая Вардарская Македония), Вранский и Пиротский округа Сербии и 2 небольших района Косова, общей площадью 28,25 тыс. км² с населением 1260 тыс. человек, а также греческую Западную (Беломорскую, Эгейскую) Фракию с прилегавшими островами Тасос и Самофракия. Здесь было организовано болгарское военное, гражданское и духовное управление, однако окончательное определение юридического статуса этих территорий было отложено до конца войны. В конце 1941 г. немецкое командование передало болгарским войскам охрану части Южной Сербии с центром в г. Ниш, причем административное и хозяйственное управление этой территорией оставалось у немцев (фактически болгарский оккупационный корпус занял ее 1 января 1942 г.)¹⁶. В декабре 1941 г.

правительство Болгарии «символически» объявило войну Великобритании и США, но, несмотря на давление Германии, отказалось вступить в войну с СССР и удалить из Софии советскую дипломатическую миссию.

Уже в присоединении Болгарии к Тройственному пакту редакция «Церковного вестника» увидела «перст провидения», отмечая, что немецкий народ призван создать новый мировой порядок и идти с Германией — единственный правильный и спасительный путь, по которому болгарам необходимо следовать¹⁷. После вступления болгарских войск в Македонию митрополит Неофит проводил аналогию между царем-освободителем Александром II и А. Гитлером: оба якобы были избраны провидением для восстановления правды и справедливости в отношении болгарского народа. Статья Владыки успела выйти в короткий период существования болгарского «идеала геополитики»: страна находилась в союзе как с русскими, так и с немцами¹⁸.

Болгарская Православная Церковь восприняла присоединение новых областей как освобождение исконных болгарских территорий и восстановление «тела нации», разорванного на части в 1878 и 1912–1918 гг., называя эти события «болгарской Пасхой». Синод уполномочил митрополита Неофита посетить царя и лично поздравить его с историческим событием. В специальных меморандумах, составленных митрополитами Врачанским Паисием и Пловдивским Кириллом, выражалась благодарность Германии и Италии за освобождение болгарских земель и высказывалась надежда, что и не освобожденные еще болгарские территории не останутся вне границ Болгарии. Меморандумы были лично вручены послам указанных стран вместе с чеками (немцам на 100 тыс. левов, итальянцам на 50 тыс. левов) — даром Синода для раненых воинов¹⁹.

Эйфория от освобождения Македонии временно овладела даже митрополитом Стефаном, выступавшим до этого времени с яркими антивоенными проповедями. 6 мая 1941 г. он возглавил молебен на площади перед собором св. князя Александра Невского в связи с воссоединением болгарских земель и произнес перед собравшимися вдохновенную речь о подвигах болгарских войск и их союзников, после которой духовенство и народ пропели многолетие фюреру А. Гитлеру и итальянскому королю Виктору-Эммануилу II²⁰. В мае 1941 г. Священный Синод направил меморандумы правительствам Германии и Италии, в которых выразил благодарность за помощь в национальном объединении Болгарии. Одновременно в ряде статей церковной печати подчеркивалось, что этот акт был поддержан СССР. Выражение любви к России не исчезло из посланий и проповедей болгарских митрополитов даже после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Многие архиереи советовали болгарским властям оставаться вне войны с СССР и любыми способами освободиться от связей с Германией²¹.

После вторжения немецких войск в СССР митрополит Стефан вновь стал резко негативно высказываться о войне, правда, теперь органы цензуры уже не разрешали ему публиковать русофильские статьи. 9 июня 1942 г. Владыка с гневом писал в своем дневнике: «Адская эпоха!.. Самые лучшие люди могут впасть в истерию, которой обладает злосчастный фюрер! Но где

культура, великая цивилизация немецкого народа, если он поставил руководить людьми фюрера? Не была ли это только маска культуры на варварском обличье тевтонской расы?.. Я давно объявил войну войне, но «один в поле не воин». Многие мои статьи, в которых объективно рассматривались вопросы мира, цензура не пропустила, и полиция делает мне внушения, чтобы я перестал писать и мыслить об этих деликатных вопросах... Невыносимое рабство»²².

Критика большевистского режима не затрагивала братского отношения Болгарской Церкви к Московскому Патриархату, и эти симпатии были взаимными. Не случайно портрет Софийского митрополита Стефана — единственного из европейских православных иерархов — появился в изданной в 1942 г. Московской Патриархией пропагандистской книге «Правда о религии в России». Владыка Стефан и в годы войны занимал активную гражданскую позицию, открыто выступая против политики сближения и сотрудничества с нацистской Германией. В частности, он единственный из православных архиереев Восточной Европы публично протестовал против нападения на Советский Союз, называя в своих проповедях германскую агрессию «величайшим грехопадением, прелюдией ко Второму Пришествию» и обвинял тех, кто начал это невиданное братоубийство. За подобные выступления митрополит неоднократно подвергался нападкам на страницах профашистской болгарской печати. После расстрела 1 июня 1942 г. генерала В. Заимова, обвиненного в шпионаже в пользу СССР, Владыка Стефан не побоялся совершить по нему заупокойную службу²³.

Однако среди болгарского духовенства были и прогермански настроенные священнослужители. Во 2-й половине 1930-х гг. различные ведомства Третьего рейха, прежде всего МИД и Министерство церковных дел, пытались вовлечь Болгарскую Церковь в сферу своего влияния. В частности, МИД в начале 1938 г. через научный фонд А. Гумбольдта пригласил нескольких молодых болгарских богословов в качестве стипендиатов для учебы и преподавания на протестантских теологических факультетах немецких университетов, что в последующие годы стало традицией. Так, например, профессор (с июля 1940 г. ректор) Софийского университета протопресвитер Стефан Цанков 29 мая 1940 г. прочитал в Берлине доклад «Основопологающие начала национального характера Болгарской Православной Церкви» и в тот же день был удостоен звания почетного доктора Берлинского университета. В августе 1940 г. он выступил с докладом «О единстве Церкви как проблеме в новой православной теологии» на конференции Лютеранской академии в Зондерсхаузене²⁴.

В стремлении оказывать влияние на Болгарскую Православную Церковь ведомства Третьего рейха первоначально соперничали с Англиканской Церковью и Ватиканом. С большой тревогой восприняли в Германии визит 11–17 мая 1940 г. в Болгарию делегации Англиканской Церкви во главе с епископом Гибралтарским Гарольдом, которая была принята королем Борисом III и присутствовала вместе с членами болгарского правительства на праздничном богослужении в Александро-Невском соборе. Главным вопро-

сом межцерковных переговоров стала давно обсуждавшая проблема признания Болгарской Церковью рукоположения англиканских священнослужителей, однако она не получила практического разрешения. Еще 10 мая представители Болгарской Церкви на своем совещании приняли решения: 1) англиканская делегация не является достаточно легитимной для заключения соглашения; 2) Болгарская Православная Церковь также не компетентна для ведения завершающих переговоров, так как отсутствует согласие других Поместных Православных Церквей в целом и Русской Церкви в частности, а также согласие низшего болгарского клира, который еще не был опрошен Синодом. По мнению посольства Германии, болгарские архиереи осознавали, «что в современной ситуации всякий шаг навстречу англичанам сразу будет расценен как признание нейтралитета, и не только со стороны Рейха, но и собственного народа». В ходе двухдневных переговоров церковных делегаций болгары ограничились тем, что выслушали точку зрения англикан, задали им ряд богословских вопросов и заявили, что англиканские предложения будут рассмотрены Священным Синодом²⁵.

Тревожили германские ведомства и связи Болгарии с Ватиканом, в частности, прошедший с большим успехом прием Римским папой Пием XII 22 июля 1941 г. болгарского премьер-министра Б. Филова и министра иностранных и религиозных дел И. Попова. При этом в Софии в это время находился апостольский легат архиепископ Д. Мацоли²⁶. К 1942 г. не без вмешательства немцев болгарские контакты с англиканами и Ватиканом фактически прекратились.

Одной из важнейших проблем, которыми занималась Болгарская Православная Церковь в годы Второй мировой войны, было административно-церковное управление занятыми болгарскими войсками территориями. С Южной Добруджей вопрос удалось решить относительно легко: 27 ее духовных округов до 1913 г. входили в состав Варненской и Доростольской епархий и теперь решением Синода от 10 сентября 1940 г. были вновь присоединены к ним. Через несколько дней митрополиты этих епархий стали командировать на новые территории первых священников. 30 сентября Министерство иностранных и религиозных дел выделило государственный кредит размером 1,7 млн левов на содержание 80 священников, доставку богослужебных книг, церковной утвари, облачений и сохранение исторических памятников в Южной Добрудже²⁷.

Митрополит Доростольский и Червенский Михаил обследовал приходы отошедшей от Румынии территории и 19 ноября 1940 г. сообщил на заседании Синода о плохом состоянии храмов и об их отсутствии в десятках сел; в тот же день было решено оказать приходам Добруджи требуемую помощь. Также Владыка установил, что за 20 лет румынского правления не было построено ни одной новой церкви. В связи с этим Синод обратился в министерство с предложением о начале храмового строительства²⁸. Позже выяснилось, что для реинтеграции новых духовных округов необходимо значительно больше средств, чем планировалось изначально. В частности, приходов в Южной Добрудже оказалось не 80, а 120, и, следовательно, нужно было увеличить число священников. В остальной части Болгарии тогда не хватало 300 иереев,

поэтому Синод 22 ноября 1940 г. решил просить у государства дополнительный кредит на содержание 180 новых священников и еще 2 млн левов на ремонт старых и строительство новых храмов²⁹, однако получить эти средства не удалось. К январю 1944 г. в Южной Добрудже действовало лишь 98 церквей и 9 часовен (монастырей не было), которые окормляли 55 постоянных и 19 командированных священников³⁰.

Священный Синод считал, что и в отношении других занятых территорий Болгарская Церковь лишь восстанавливает историческую справедливость, возвращая себе то, что принадлежало ей до 1913 г. Однако существенная разница между реальной ситуацией и желанием восстановить свою юрисдикцию на всех занятых территориях препятствовала попыткам Болгарской Церкви проводить там последовательную единообразную политику. Синод вскоре понял, что в Македонии и в Эгейской Фракии невозможно полностью применить меры, использованные в Южной Добрудже.

Первый вариант проекта духовной администрации на занятых югославских и греческих территориях был принят на чрезвычайном заседании сокращенного состава Синода 25 апреля 1941 г. Он предполагал восстановление существовавшей до 1913 г. структуры экзархата — воссоздание 6 епархий: Маронийской (с включением двух городов — Софлу и Фере, оккупированных немцами), Струмицко-Серрской, Скопле-Велешской (с включением части итальянской зоны Македонии), Охридско-Битольской (с включением другой части итальянской зоны Македонии), Солунской (Салоникийской) и Одринской (Эдирненской, Андрианопольской). Это была своего рода программа-максимум, направленная на распространение юрисдикции Болгарской Церкви на все болгарское население Балкан, в том числе на территориях, оккупированных итальянскими и немецкими войсками, и даже в Турции. При этом всем болгарским священнослужителям, когда-то эмигрировавшим из Югославии и Греции, предписывалось вернуться в свои епархии, а на остальные приходы предполагалось назначить новых священников³¹.

Первоначальный проект был представлен на отзыв премьер-министру и в Министерство иностранных и религиозных дел и после критической оценки переработан Синодом. В результате в соответствии с его решением от 29–30 апреля летом 1941 г. в Эгейской Фракии и Македонии были созданы 4 епархии: Маронийская (временное управление ею поручили митрополиту Пловдивскому Кириллу), Струмицко-Драмская (под управлением митрополита Неврокопского Бориса), Скопле-Велешская (под управлением митрополита Велико-Тырновского Софрония) и Охридско-Битольская (под управлением митрополита Ловечского Филарета). Управление Пиротским, Босилеградским и Царибродским округами, в соответствии с существовавшим до 1913 г. положением, было передано митрополиту Софийскому Стефану. Еще один небольшой район Югославии — 9 сел к западу от реки Тимок — был присоединен к Видинской епархии (митрополит Неофит организовал там 3 прихода). Оккупированная немцами Салоникийская, а тем более Одринская епархия образованы не были. Однако и в 4 новоучрежденные епархии вошли некоторые захваченные итальянскими и немецкими войсками

территории, что создавало большие сложности; на этих территориях болгарская духовная администрация полноценно функционировать не могла. Принимая второй вариант проекта учреждения духовной администрации, Синод оговорил возможность после стабилизации ситуации в Македонии и Эгейской Фракии вернуться к данному вопросу и окончательно урегулировать проблему. Однако этого не произошло. Учрежденная летом 1941 г. временная духовная администрация в основном сохранялась вплоть до осени 1944 г.³²

Синод сразу же решил принять меры для пополнения духовенства на новых территориях. Первоначально предполагалось командировать туда 200 священников из Болгарии, а также использовать 500 местных священников (преимущественно македонцев и болгар), оставшихся для окормления своих приходов. В окружные центры были отправлены архиерейские наместники, они должны были выбрать из подведомственных им священников членов епархиальных советов. На устройство новых епархий предполагалось израсходовать 500 тыс. левов, которые должно было предоставить государство³³. В середине июня Синод заслушал доклады управляющих новыми епархиями и назначил специальную комиссию для рассмотрения поднятых вопросов, вскоре представившую доклад «О церковном устройстве и управлении епархиями в новоосвобожденных землях». Основная идея доклада заключалась в том, что эти епархии станут неотъемлемой частью Болгарской Церкви, и их устройство и управление должно осуществляться на основе устава экзархата³⁴.

Церковную жизнь на занятых территориях существенно осложняла проводимая болгарским правительством политика дискриминации сербов, греков и румын. Так, из Восточной Македонии за время войны было выселено 45 тыс., а из оккупированной болгарскими войсками части Косова — около 25 тыс. сербов. При этом изгнание коснулось и части сербского духовенства, в том числе обоих служивших в Македонии архиереев. Некоторые греческие священнослужители также были высланы или уехали сами. Активно проводилась болгаризация всех сторон общественной жизни. Если в Македонии, где официально считавшиеся болгарскими македонцы составляли подавляющее большинство, духовная администрация Болгарской Церкви была встречена местными жителями в основном лояльно, то в Эгейской Фракии, где преобладали греческое население и греческое духовенство, ситуация оказалась иной. В целом Болгарская Церковь занимала гораздо более терпимую позицию по отношению к грекам и сербам, нежели правительство страны. Оставшиеся на занятой территории священнослужители неболгарского происхождения для продолжения религиозной деятельности должны были подписать декларацию лояльности Болгарской Церкви. Согласившиеся получали жалованье из государственного бюджета наравне с болгарским духовенством. Это было сделано по ходатайству болгарских иерархов, считавших такую меру принципиально важной. Не подписавшие декларацию греческие священники могли совершать лишь ограниченное число церковных обрядов на греческом языке: венчание, крещение и отпевание; таким образом, они все-таки получали возможность служить. В греческих приходах

разрешалось служить литургию на греческом языке, в то время как в смешанных общинах болгарский и греческий языки использовались попеременно.

Это терпимое отношение во многом было следствием нежелания болгарских иерархов портить отношения с руководством Элладской Православной Церкви и Константинопольского Патриархата, от которых зависело решение вопроса о снятии с Болгарской Церкви схизмы (уже в июне 1941 г. Синод отмечал, что наступил благоприятный момент для отмены схизмы, и в этой связи предполагалось прибегнуть к посредничеству немецкого правительства и провести зондаж у Константинопольского Патриарха и греческого государственного Патриарха). Однако такая толерантная позиция не встретила поддержки у болгарского правительства, хотевшего выслать не подписавших декларацию греческих священников вместе с семьями или поместить их в отдаленные монастыри. Из болгарских архиереев намерение правительства разделял лишь митрополит Иосиф, остальные епископы сопротивлялись его реализации. Управлявшие епархиями в Эгейской Фракии митрополиты Кирилл и Борис даже спасли жизнь нескольких греческих священников, обвиненных в поддержке партизан и приговоренных к смерти. Во время голода Владыка Кирилл просил болгарского губернатора Эгейской Фракии увеличить пищевое снабжение греческого населения, приравняв его к болгарскому. Владыка Борис в свою очередь демонстративно проявлял уважение к канонам и не занимал архиерейский трон при совершении литургии в тех храмах, где он не был избран правящим архиереем. Благодаря усилиям этих митрополитов на занятых территориях были в значительной степени сохранены греческие и старославянские надписи на церковных изображениях и греческие богослужебные книги в храмах³⁵.

Толерантность, с которой Болгарская Церковь относилась к местному населению и духовенству в новых епархиях, нередко приводила к серьезным проблемам и конфликтам в отношениях с болгарскими военными и административными органами. Так, например, 13 августа 1943 г. по указанию областного директора Раева был отстранен от должности протосинкелл Скопле-Велешской епархии архимандрит Стефан (Николов), обвиненный в том, что он содействовал крещению еврейки Елены (Эстер) Берах и ее семьи и помог им уехать из страны. Этот случай был лишь поводом для разрешения и так уже напряженных отношений между Раевым и архиерейским наместничеством. Управлявший епархией митрополит Софроний 23 августа отправил Синоду письмо о незаконности данного шага, так как увольнять архиерейских наместников могли лишь церковные власти. Синод в свою очередь выразил резкий протест ряду министерств. В итоге было принято компромиссное решение, и в октябре архимандрита Стефана назначили на работу в синодальную канцелярию в Софии³⁶. Имели место и другие подобные инциденты. В 1943 г. приходской священник Стоимен Дамянов из села Бурилчево Кочанчского округа был арестован полицией по подозрению «в сотрудничестве с антигосударственными элементами». 18 октября о. Стоимен обратился с ходатайством к митрополиту Софронию с просьбой принять меры для прекращения издевательств со стороны полицейских органов над духовными

лицами. Накануне Владыка уже имел безрезультатный разговор с Раевым по этому поводу и теперь переслал ходатайство священника в Синод³⁷.

Позиция болгарских архиереев позволила большому числу греческих священнослужителей остаться и окормлять своих соотечественников в Эгейской Фракии. За май 1941 — сентябрь 1944 г. в качестве жалования и пенсий греческому духовенству в Маронианской и Драмской епархиях было выплачено 9641 тыс. левов, а всего на содержание церквей и духовенства в занятых Македонии и Эгейской Фракии Болгарская Церковь потратила 109 597,5 тыс. левов. Устройство церковной жизни на новых землях требовало больших финансовых затрат, на которые Болгарская Церковь не была способна без государственной поддержки. В этой связи в августе 1941 г. Народное собрание выделило дополнительные бюджетные средства на церковные нужды в занятых областях³⁸.

На заседании 3 июля 1941 г. Синод обсудил дополнительно собранные сведения о нуждах новых епархий. Оказалось, что там имеется 1154 прихода, т. е. почти половина от их количества в основной части страны. Часть приходов (особенно в Эгейской Фракии) подлежала укрупнению, и Синод посчитал, что для нормальной церковной жизни на новых землях нужно 800 священников. Поэтому вместе с оплатой 30 новых священников для Южной Добруджи и 90 дополнительных иереев для вакантных приходов старой части Синод запланировал в бюджете на 1942 г. увеличение расходов на 23 млн левов³⁹. Заполнение вакантных священнических мест являлось хронической трудностью Болгарской Церкви и в старых границах. Скоро стало ясно, что только возвращением прежнего клира экзархата в 4 новоучрежденные епархии проблему не решить. Поэтому уже с лета 1941 г. туда стали командировать священников, ранее не служивших в новых епархиях. В данной связи Народное собрание одобрило выделение еще одного кредита для оплаты 375 болгарских священников и диаконов, которые были распределены по приходам и монастырям в Македонии (280) и Эгейской Фракии (95).

Эти священнослужители в обязательном порядке временно командировались из Болгарии для контроля над местным духовенством (многие из них входили в состав образованных архиерейских наместничеств) и через 4–5 месяцев должны были заменяться новыми (в качестве материального стимула они получали жалование на 10% больше, чем в Болгарии). Безусловно, не все священники хотели временно оставлять свои приходы в Болгарии, и в целом эта акция создавала условия для кадровой текучки и беспорядков. Чтобы навести дисциплину, Синод 1 июля 1943 г. поставил перед митрополитами Борисом, Филаретом и Евлогием задачу систематизировать правила пополнения клира в Македонии и Эгейской Фракии.

6 июля Синод постановил к осени произвести полную замену священников, отслуживших указанный срок, новым духовенством, а 8 июля 1943 г. утвердил разработанные тремя митрополитами «Правила командирования священников из старых приделов Царства в новоосвобожденные земли». Предусматривалось, что все священнослужители Болгарской Церкви в возрасте до 50 лет за небольшими исключениями будут командированы на 4 месяца

в новые епархии. Отказ от командировки был равносителен отказу от приходской службы. На этом заседании Синод утвердил и первые квоты командированных священников из старых епархий⁴⁰.

При этом старались отправлять наиболее образованных и деятельных священников. Те, кто добровольно оставался на занятых территориях больше положенного срока, получали дополнительные льготы: им повышали на 30% жалование, выплачивали наградные за выполнение «специальных заданий» в «новоосвобожденных землях», передавали в пользование бесхозные земли, имущество выселенных сербов и интернированных евреев. К концу оккупации, в сентябре 1944 г., в Македонии и Эгейской Фракии все еще служили около 160 командированных болгарских священников, что составляло более 8% от их общего числа в стране. Это создавало дополнительные сложности для Болгарской Церкви, продолжавшей испытывать острую нехватку духовенства. Когда эти 160 священников вернулись, Синод сразу распределил их по вакантным приходам⁴¹.

Интегрирование священнослужителей новых епархий в состав духовенства Болгарской Церкви было узаконено «Правилами подданства на освобожденных в 1941 году землях», одобренных Советом Министров 5 июня 1942 г. Согласно этому документу, все югославские и греческие подданные болгарского происхождения по письменному заявлению (поданному до 1 апреля 1943 г.) получали болгарское гражданство. Правила давали возможность экзархату ходатайствовать о выплате государством жалования священникам как болгарского, так и неболгарского происхождения⁴². Местных священнослужителей новых епархий активно привлекали к участию в органах церковного управления. Уже с мая 1941 г. их назначали членами временных епархиальных советов. Однако, согласно уставу экзархата, эти органы должны были избираться, и окружным посланием от 17 августа 1942 г. Синод назначил проведение выборов в 2 этапа. 4 октября 1942 г. во всех новых духовных округах избрали по 3 священника и 3 мирских выборщика, которые через полгода провели выборы членов постоянных епархиальных советов. Новоизбранные советы были утверждены указом Синода от 24 июля 1943 г.⁴³ Осталось невыполненным еще одно положение устава экзархата: выборы епархиальных архиереев. Это объяснялось внутренней причиной — острой борьбой по вопросу завершения канонического устройства Болгарской Церкви путем созыва церковного народного Собора и выборов Патриарха.

Существовавшая в Македонии до войны Битольская семинария была закрыта еще в апреле 1941 г., однако значительная часть ее учащихся для завершения образования была переведена в болгарские духовные семинарии. Так, в 1942/43 г. в Софии учились 25 семинаристов из Македонии, освобожденных от военной повинности. Несколько студентов болгарского и македонского происхождения с занятых территорий были приняты на Богословский факультет Софийского университета. В целом же Болгарская Церковь не смогла полностью контролировать церковную жизнь на так называемых новоосвобожденных землях.

Включение в состав Болгарской Церкви новых епархий в Македонии и Эгейской Фракии и сотрудничество на этих территориях церковной администрации с военными и гражданскими чиновниками позволило Синоду летом 1942 г. поставить перед правительством вопрос о проведении церковного Народного Собора, о восстановлении существовавшего в X–XIV вв. Болгарского Патриархата и выборах Патриарха «в связи с окончательным объединением болгарского народа». Вторая мировая война послужила причиной изменения отношения болгарских архиереев к проблеме схизмы. Иерархи понимали, что фактическое восстановление юрисдикции экзархата над Македонией и Эгейской Фракией не будет гарантировано без канонического признания Болгарской Церкви другими Поместными Православными Церквями и отмены схизмы, наложенной Константинопольским Патриархатом⁴⁴. В этой связи 12, 18 и 19 июня 1942 г. на заседаниях Синода развернулась дискуссия. Большая часть архиереев предлагала срочно избрать Предстоятеля Церкви — Патриарха или экзарха, возможно даже без согласия правительства, другие считали необходимым сначала выбрать канонических архиереев для новых епархий, так как без участия македонцев нельзя избирать Предстоятеля. После бурных дебатов 23 июня было принято единогласное решение: 1) неотложно приступить к выборам Патриарха при участии всего болгарского народа; 2) просить правительство дать согласие на эти выборы; 3) дать необходимые распоряжения относительно постепенного окончательного устройства епархий в новоосвобожденных землях; 4) просить правительство согласиться с выборами епархиальных избирателей в новых епархиях⁴⁵.

26 июня делегация митрополитов для ознакомления с решениями Синода посетила премьер-министра, а 1 июля — царя. Первые лица государства в принципе выразили согласие, но конкретных мер для их осуществления не предложили. В связи с этим 2 июля Синод постановил написать письма в правительство (о скорейшем утверждении нового устава экзархата) и в Министерство иностранных и религиозных дел (о разрешении выборов епархиальных избирателей в новых епархиях), а также направить новую делегацию к премьер-министру для обсуждения конкретных вопросов утверждения устава и выборов Патриарха⁴⁶.

В тот же день делегация митрополитов посетила Б. Филова, подарила ему Библию в знак благодарности за разрешение правительства преподавать в гимназиях курс «религии и истории Болгарской Православной Церкви», однако практически на все свои просьбы получила отказ. Не было пересмотрено решение Совета Министров об отмене на время войны официального празднования 9 церковных праздников (в качестве выходных дней оставили только Рождество, Крещение и Пасху), не поддержал Филов и ходатайство архиереев ввести обязательное преподавание Закона Божия по 2 часа в неделю во всех средних учебных заведениях. Решение же вопроса об утверждении нового устава экзархата и выборах Патриарха было «отложено в долгий ящик». В этот же период воспитанников духовных учебных заведений попытались призвать в армию, но Синоду удалось отстоять их освобождение от военной обязанности⁴⁷.

Следует отметить, что планы восстановления Патриаршества существовали и до 1942 г. Так, в докладе германского посла в Софии А. Бекерле в свой МИД от 20 апреля 1942 г. «О состоянии и правовой форме Болгарского Патриархата» отмечалось, что за соответствующими планами Синода стоит личное честолюбие Софийского митрополита Стефана, при этом члены Синода связывают ликвидацию схизмы с восстановлением существовавшего в древности Болгарского Патриархата. Посол также сообщал, что Болгарская Церковь не обладает заметным влиянием на политику государства, и в Министерстве иностранных и религиозных дел в настоящее время не считают осуществимым план воссоздания Патриархата⁴⁸. В другом докладе германского посла от 22 сентября 1941 г. говорилось: «Влияние Болгарской Церкви на широкие массы болгарского населения, без сомнения, очень сильно. В отличие от правительства, которое после роспуска партий не имеет связей с широкими слоями, Болгарская Церковь своей церковной деятельностью охватывает последнего крестьянина». Далее Бекерле указывал, что Болгарская Церковь сейчас имеет 2 главные цели: «выйти из схизмы и получить собственный Патриархат», однако отмечал: «Я не считаю, что отмена схизмы является достижимой, так как со стороны Греческой Церкви она и в настоящее время используется в качестве сильнейшего оружия в борьбе культур во фракийских и македонских областях». При этом посол считал, что упразднение болгарской схизмы не соответствует немецким интересам, а вот «дружественный Германии Болгарский Патриарх» был бы для немцев «очень важен»⁴⁹.

В отношении к Третьему рейху среди руководителей Болгарской Церкви не было единства. Посетивший Софию в начале осени 1941 г. представитель германского МИД доктор О. Герстенмайер в своем докладе от 24 сентября писал, что 2 возможных кандидата на пост Патриарха — митрополиты Кирилл (Марков) и Паисий (Анков) — дружественны Германии и надеются на ее поддержку в воздействии на Константинопольского Патриарха по вопросу отмены схизмы и канонического признания их Церкви. Третий же кандидат — митрополит Софийский Стефан — панславист и враждебен Германии. В конце беседы посланец Берлина достаточно ясно дал понять Владыкам, «что германская инициатива в вопросе Патриархата зависит от того, как активно и интенсивно Болгарская Церковь впредь будет участвовать в находящейся в ее собственных интересах антибольшевистской пропаганде»⁵⁰.

Со стороны представителя германского МИД это была только игра, целью которой являлось использование вопроса о восстановлении Патриаршества в Болгарии и отмены схизмы для подчинения Болгарской Церкви. На самом деле немецкая позиция была другой. Лишь относительно лояльное к православию Рейхсминистерство церковных дел писало 1 декабря 1941 г. в МИД, что восстановление древнего Болгарского Патриархата неизбежно, подчеркивая: «Это важно для Болгарии, где народ и Церковь глубоко идентичны. Дружественный немцам православный Болгарский Патриархат, несомненно, имел бы ценность для Германии. И после его воссоздания также

был бы решен вопрос еще формально существующей схизмы»⁵¹. Однако германское посольство в Софии еще в сентябре 1941 г., как уже отмечалось, сообщило в свое министерство, что «упразднение схизмы вовсе не находится в немецких интересах»⁵². В МИД придерживались такой же точки зрения. Его чиновники не хотели усиления Болгарской Церкви, и так заметно укрепившейся за счет присоединения в 1941 г. части сербских и греческих епархий.

20 февраля 1942 г. в Берлин по приглашению международной службы германской Евангелическо-Лютеранской Церкви приехал митрополит Врачанский Паисий. Целями его визита были приобретение печатных станков и шрифта для создания типографии Священного Синода в Софии, закупка материала для облачений, устройство церкви для болгарских колоний в Берлине и Вене (решение данного вопроса затянулось на несколько лет), а также попытка убедить немецкие власти разрешить Болгарской Церкви помогать возрождению церковной жизни в России (здесь Владыку в основном постигла неудача)⁵³.

На переговорах митрополита с руководителем международной службы епископом Хеккелем также обсуждался вопрос о восстановлении Болгарского Патриархата и о будущем Патриархе. При этом отмечалось, что кандидатура Софийского митрополита Стефана из-за его открыто выраженной англофильской позиции практически исключалась, борьба в основном шла между митрополитами Паисием и Кириллом. В своем докладе в германский МИД от 20 марта 1942 г. Хеккель писал, что у митрополита Паисия больше шансов быть избранным Патриархом, отмечая, правда, негативное отношение болгарского правительства к созданию Патриархата. В отличие от политического руководства своей страны широко представленные в Церкви «молодые националистические круги» хотели быстрее восстановления Патриархата. Значительную трудность для решения этой проблемы представляла позиция Элладской Церкви, в связи с чем Владыка Паисий рассчитывал получить поддержку со стороны Германии⁵⁴. Видимо, поэтому он принял участие в праздновании 1 марта в Берлине 1-й годовщины вступления Болгарии в Тройственный союз и выступил по этому случаю по радио с обращением к болгарам. На обеде, данном в его честь международной службой Евангелическо-Лютеранской Церкви, митрополит Паисий даже заявил, что Болгарская Церковь «видит в большевизме своего самого большого врага и приложит все усилия для его поражения»⁵⁵.

Синод активно пытался решить задачу восстановления Патриархата вплоть до осени 1944 г. Так, 29 января 1943 г. на встрече с царем Борисом III митрополит Неофит пытался доказать, что уже наступил благоприятный момент для выборов Предстоятеля Церкви. На все доводы царь заявил, что в принципе вопрос решен, Церковь должна иметь своего Патриарха, и в его выборах должен участвовать весь православный болгарский народ, однако это большое дело и торопиться с ним не следует⁵⁶. 15 апреля 1943 г. состоялась частично посвященная этому вопросу встреча малого состава Синода (митрополиты Неофит, Паисий и Стефан) с царем и премьер-министром Филовым, названная в синодальных протоколах «исторической конференцией».

Но и на ней высшие представители государственной власти фактически отклонили просьбы членов Синода, мотивировав это тем, что благоприятный момент еще не наступил⁵⁷.

Дальнейшее затягивание решения вопроса вызвало гневное письмо Синода в Министерство иностранных и религиозных дел от 3 декабря 1943 г., в котором говорилось: «Так как вопреки вышеизложенному и далее продолжается неоправданное откладывание... выборов Всеболгарского Патриарха и поэтому упускается наиболее благоприятный момент для этой цели... Священный Синод Болгарской Православной Церкви и в целом вся Церковь болгарского народа с большим сожалением вынуждены направить предупреждение, что этим причиняется неизмеримый вред народу, и те, кто делает это, несет тяжелейшую ответственность перед Богом, историей и перед всем болгарским народом!»⁵⁸ 13 декабря митрополит Неофит безуспешно встречался с премьер-министром Д. Божиловым и министром иностранных и религиозных дел Д. Шишмановым. Божилов настаивал на выборах сначала митрополитов для новоосвобожденных земель, а затем Первоиерарха⁵⁹. В марте и июне 1944 г. Синод продолжил настойчивые попытки давления на власти по указанным вопросам. Однако болгарское правительство так и не дало свое согласие на выборы Патриарха. Это было вызвано как внешнеполитическими и военными причинами, так и конфликтами с руководством Болгарской Православной Церкви по ряду вопросов. В частности, в 1942 г. и в последующие годы Священный Синод отказался официально признать пользовавшиеся государственной поддержкой союзников Германии неканонические Хорватскую и Венгерскую Православные Церкви.

Наиболее ярко конфликт проявился в связи с независимой позицией Болгарской Церкви в еврейском вопросе. По мнению ряда исследователей, именно Церковь сыграла ключевую роль в спасении от уничтожения 48 тыс. болгарских евреев. Израильский историк М. Бар-Зоар, выступая на международной конференции в Софии, заявил: «Существуют три фактора, которые были наиболее важны в спасении болгарских евреев... Первый фактор — это Болгарская Православная Церковь»⁶⁰. В своей монографии этот автор писал: «Ничто не имело такого значения, как решения Священного Синода Болгарской Православной Церкви. Исходя из того, что государственной религией в Болгарии было восточное православие, позиция Церкви имела особенно большое влияние на общественное мнение»⁶¹.

Под давлением нацистской Германии болгарское правительство осенью 1940 г. начало подготовку антиеврейского закона «О защите нации» и сразу встретило активное сопротивление Церкви. Первое обсуждение этого законопроекта и просьбы о заступничестве Центральной еврейской консистории состоялось на заседании Синода 12 ноября 1940 г. Большинство митрополитов высказали мнение, что планы правительства не обязывают Синод «непременно занимать выраженную в законопроекте позицию». Было заявлено, что «обязанность государства — преследовать преступников... преследование же его собственных граждан только потому, что они евреи... противоречит правосудию и христианскому Евангелию»⁶².

14 ноября члены Синода приняли предложение митрополита Паисия сформировать делегацию архиереев, которая бы выразила позицию Синода председателю Народного собрания и Совету министров: призвала защитить нацию от чуждой религиозной и безбожной пропаганды, указала на необходимость исключить всякие ограничения для евреев-христиан, а в отношении иудеев узаконить меры, которые бы не носили характер гонений и не противоречили человечности⁶³. 15 ноября Синод почти единогласно принял текст обращения к председателю Народного собрания. В преамбуле этого довольно обширного документа приветствовалась сама идея принять закон «О защите нации», но вынесенный на обсуждение законопроект подвергся жесткой критике⁶⁴. Это обращение демонстрировало уважение Болгарской Церкви к правам национальных меньшинств и по сути разрушало краеугольный камень законопроекта, который был задуман исключительно с целью подвергнуть гонениям евреев. 17–18 ноября делегация Синода передала обращение председателю Народного собрания Логофетову и премьер-министру Б. Филову, однако последний отказался снять ограничения в отношении евреев-христиан, отметив, что в законе необходимо отразить общее отношение к евреям, как это было сделано в соседних (т. е. подконтрольных Германии) государствах⁶⁵. Таким образом, архиереи ни в чем не смогли прийти к соглашению с правительством. Однако из всех обращений, протестов и воззваний, критикующих закон «О защите нации», именно обращение Синода от 15 ноября 1940 г. имело наибольшее значение не только из-за закрепленного конституцией и исторически унаследованного морального авторитета Болгарской Православной Церкви, но и из-за глубокого анализа антихристианской и античеловечной сущности закона и категоричного тона Синода.

Несмотря на критику Синода, закон «О защите нации» все-таки был принят 21 января 1941 г. Он оказался мягче, нежели аналогичные антиеврейские законы в соседних государствах. Однако после присоединения к Болгарии Македонии и Эгейской Фракии и первоначальных успехов немцев на Восточном фронте правительство Филова усилило антиеврейский курс⁶⁶. После конференции в Ванзее (Берлин) в январе 1942 г. в Болгарии под давлением нацистов был принят ряд антисемитских подзаконных актов, в августе 1942 г. создан Комиссариат по еврейским вопросам (под руководством А. Белева) для практической реализации нового курса. В рамках этой политики были введены опознавательные «еврейские» знаки на одежде и домах, созданы еврейские трудовые лагеря, начались переговоры с германскими властями о подготовке депортации евреев в концлагеря на территории Польши и т. д. Высшая точка официальной антиеврейской политики болгарских властей пришлась на февраль–март 1943 г. В это время было заключено соглашение между Комиссариатом по еврейским вопросам и Главным управлением имперской безопасности в лице его представителя в Болгарии Т. Даннекера о полной депортации евреев из страны. Однако его удалось реализовать лишь частично: евреи были выселены только с земель, присоединенных к Болгарии в ходе войны⁶⁷.

Значительную роль в спасении остальных сыграла Болгарская Церковь, которая в годы войны активно сопротивлялась преследованиям евреев.

Болгарские архиереи стремились сохранить внутреннюю автономию Церкви, которой угрожало государственное вмешательство в дела, связанные с крещением пожелавших принять православие евреев и их браками с этническими болгарами. Известны и конкретные мужественные поступки различных иерархов. Митрополит Софийский Стефан прятал у себя раввина, а митрополит Кирилл публично выступал в защиту преследуемых в Пловдиве евреев и даже прикрепил шестиконечную звезду Давида на свою архиерейскую мантию. Своим заступничеством Владыка Кирилл спас многих людей от высылки. Непосредственно участвовал в спасении евреев и председатель Священного Синода митрополит Неофит⁶⁸. Усилия Болгарской Церкви особенно активизировались весной 1943 г., когда возникла реальная опасность депортации всех болгарских евреев в нацистские лагеря смерти. Первым выразил протест митрополит Стефан. В начале февраля 1943 г., когда государственная молодежная организация «Бранник» начала систематические хулиганские действия в отношении евреев Софии, митрополита за один день посетили 4 делегации с просьбами о помощи. Владыка сразу же обратился за содействием к властям и присоединился к другим общественным деятелям, протестовавшим против бранниковских бесчинств. В конце концов, полиции пришлось вмешаться и обуздать молодчиков⁶⁹.

Протестовали болгарские иерархи и против депортации евреев из Македонии и Фракии, но на этот раз они оказались бессильны что-либо сделать, так как эти евреи не являлись гражданами Болгарии. Таким образом, на занятых болгарскими войсками территориях в феврале 1943 г. почти все еврейское население — 11 343 человека (по другим сведениям, около 15 тыс. человек) — было интернировано и передано немецким органам СД, которые отправили евреев в лагеря смерти на территории Польши. Уцелеть удалось немногим⁷⁰.

В начале марта стало ясно, что депортации подлежат и евреи самой Болгарии. Православная Церковь всей силой своего авторитета встала на их защиту. Кроме митрополита Стефана активно действовали и другие архиереи. Так, митрополит Кирилл 10 марта решительно выступил против депортации евреев из Пловдива. Он отправил телеграмму царю, в которой именем Бога просил о милости в отношении евреев, вступил в переговоры с местными властями, а также предоставил свой дом в качестве убежища для крещеных евреев, дав понять, что он готов на крайние действия по примеру древних христиан. В Сливене встревоженные горожане обратились за помощью к митрополиту Евлогию, который направил протосинкелла с требованием объяснений к помощнику коменданта и т. д.⁷¹

Новая фаза в развитии еврейского вопроса обсуждалась на заседании малого состава Синода 16 марта в связи с тревожными сообщениями из ряда городов. В этот день Синод решил представить правительству 3 своих просьбы: 1) применять закон «О защите нации» «с необходимой справедливостью и с большей легкостью и человечностью в соответствии с престижем государства как христианской державы»; 2) если государственные интересы заставляют поместить евреев в лагеря, то необходимо «создать человеческие

условия жизни в этих лагерях» и содержать в них отдельно евреев-христиан и иудеев; 3) освободить евреев-христиан от обязанности носить шестиконечную звезду и платить налог еврейской общине. Составленное вскоре ходатайство Синода было передано митрополитом Неофитом Б. Филову, но оно не имело особого успеха⁷².

2 апреля царь Борис III вернулся в Болгарию после посещения ставки А. Гитлера, где на царя было оказано сильное давление относительно отправки болгарских войск на Восточный фронт и окончательного решения еврейского вопроса. По мнению некоторых историков, Б. Филев считал, что избежать отправки войск можно лишь выполнив второе требование — выдать нацистам евреев, и в связи с этим начал действовать. Была срочно закрыта сессия Народного собрания, сняты со своих постов некоторые его оппозиционные лидеры и т. п. Таким образом, православная Церковь осталась единственным достаточно авторитетным национальным институтом, который мог бы противостоять органам исполнительной власти в еврейском вопросе и нейтрализовать влияние премьер-министра на царя⁷³.

Заседание Синода от 2 апреля началось с обсуждения дела спасения евреев и положило начало событиям, в которых Болгарская Церковь сыграла главную роль. С редким единодушием и исключительной решимостью архиереи объединились против депортации. Иерархи не только поддержали предложение о самых энергичных письменных и устных обращениях к правительству и царю, но и выразили готовность в крайнем случае мобилизовать приходское духовенство и через него объявить с амвона свое воззвание ко всему болгарскому народу. В конце заседания Синод единогласно принял постановление: «Болгарская Церковь не может разделять расистский принцип. Она не может принять начал, согласно которым какая-либо раса лишается человеческого права на жизнь, так как это противоречит основным началам христианской веры. Болгарская Церковь... не может отказать в помощи и защите гонимым и страждущим. Если бы она отказала в такой помощи, то отреклась бы от самой себя. Святая Церковь просит христиан-болгар о помощи евреям и выступает за смягчение участи всех евреев»⁷⁴.

5 апреля 1943 г. последовало обращение Синода к премьер-министру и министру иностранных и религиозных дел. В этом документе архиереи настойчиво просили правительство: «1. Не лишать христиан еврейского происхождения и евреев вообще в этой стране их элементарных прав человека и гражданина, не лишать их права жить в стране и возможности работать и человеческих условий жизни; 2. Смягчить ограничительные меры в отношении евреев и не применять их с пристрастием и жестокостью; 3. Отменить неоправданную обязанность христиан еврейского происхождения носить еврейскую звезду рядом с христианским крестом и платить налоги еврейской религиозной общине!»⁷⁵. Подобные идеи были высказаны и в составленной митрополитом Неофитом докладной записке царю. Филев в своем дневнике отмечал, что «она была написана в довольно остром тоне», и это дало положительный результат. Долгое время отказывавший в аудиенции митрополиту Неофиту царь решил встретиться с малым составом Синода. Накануне этой

встречи, 14 апреля, Филов постарался использовать все свое влияние, чтобы убедить Бориса III в несостоятельности позиции архиереев. Историческая встреча произошла 15 апреля во дворце «Врана» в присутствии премьер-министра. В ходе нее Филов нападал на иерархов по еврейскому вопросу, но они стойко защищали свою позицию⁷⁶.

В конце мая митрополит Стефан обратился с архиерейским посланием к народу, призывая не оставлять гонимое еврейское меньшинство в унынии и отчаянии и содействовать ограничению произвола Комиссариата по еврейскому вопросу, чтобы избежать позорных действий, о которых в ближайшем будущем придется сожалеть. Этим дерзким поступком Владыка вызвал гнев многих правительственных чиновников. Комиссариат по еврейскому вопросу направил официальную жалобу на митрополита в Совет министров, молодежная организация Всеболгарского союза «Отец Паисий» и Болгарский национальный легион расклеили в Софии листовки, в которых обвиняли митрополита Стефана в предательстве. Филов через секретаря отправил Владыке последнее предупреждение, требуя прекратить подобные высказывания, а главный прокурор начал собирать доказательства для привлечения митрополита к судебной ответственности за антигосударственную деятельность⁷⁷.

Митрополит Стефан был самым активным, но не одиноким в своей борьбе, его поддерживали все члены Синода, а, следовательно, и вся Болгарская Церковь. 22, 24 и 25 июня Синод в полном составе снова обсуждал положение евреев, полностью одобрил действия Владыки Стефана и настоял на проведении ряда мер по защите его архиерейского достоинства и нравственного авторитета Церкви в обществе⁷⁸. Энергичные действия членов Синода не смогли помешать проведенной с 26 мая по 7 июня 1943 г. высылке евреев Софии в провинцию, но они спасли им (как и жителям других населенных пунктов) жизнь. Сопrotивление православной Церкви депортации евреев из Болгарии было самым сильным и практически неопровержимым аргументом для принятия Борисом III решения не допустить в его стране «окончательного решения еврейского вопроса»⁷⁹.

Неоднократные встречи церковных иерархов с Борисом III и другими руководителями государства с целью защитить своих соотечественников еврейского происхождения все-таки оказали воздействие. В конечном итоге царь, несмотря на давление Германии, отказался передать болгарских евреев в нацистские лагеря смерти, и таким образом 48 тыс. человек были спасены от уничтожения (свою роль сыграло и изменение хода войны в пользу стран антигитлеровской коалиции). Память о том, что евреи Болгарии в границах 1940 г. были спасены в значительной степени благодаря заступничеству Болгарской Церкви, сохраняется и в наши дни. В Иерусалимском центре памяти жертв Холокоста имеется мемориальная доска с благодарностью от еврейского народа.

Еще одним вопросом, по которому позиции Болгарской Церкви и правительства полярно различались, была помощь Русской Православной Церкви. Уже вскоре после начала войны с СССР Болгарский экзархат, несмотря на серьезные внутренние проблемы, пытался помочь возрождению русского

православия на так называемых занятых немцами восточных территориях. Открыв 11 ноября 1941 г. осеннюю сессию Синода, митрополит Неофит сразу заявил о необходимости оказать помощь Русской Церкви и зачитал письмо архиепископа Богучаровского Серафима (Соболева), возглавлявшего русские общины в Болгарии. Архиепископ Серафим просил отпустить всех русских священников, служащих в Болгарской Церкви, снабдить их антиминсами, богослужебными книгами, церковной утварью и помочь выехать в СССР⁸⁰. Эту важную проблему Синод с поразительным энтузиазмом и воодушевлением рассматривал на двух заседаниях — 13 и 14 ноября 1941 г. Архиереи высказали единодушное желание оказать всевозможную помощь. Здесь, вероятно, проявилось не только традиционное дружеское отношение к Русской Церкви, благодарность ей за прошлую поддержку, но и определенные амбиции, а также опасения по поводу возможности распространения католичества и униатства в России через итальянских, венгерских и румынских военных священников. Митрополит Кирилл предложил отправить в СССР собственную Болгарскую духовную миссию, часть иерархов поддержала это предложение. Митрополит Иосиф даже рекомендовал включить в состав миссии как минимум 100 священников. Однако другие иерархи, в частности митрополит Стефан, настаивали прежде всего на содействии в возвращении русского духовенства из Болгарии на территорию СССР и оказании помощи только через архиепископа Серафима (Соболева). При этом все считали необходимым пожертвовать как можно больше икон, крестиков, антиминсов, богослужебных книг, облачений и церковной утвари⁸¹.

Синод воздержался от окончательного решения по этому вопросу, но постановил начать подготовку Болгарской духовной миссии в Россию и немедленно организовать сбор средств для Русской Православной Церкви, выделив от себя 500 тыс. левов. Крупнейшие Софийская и Пловдивская епархии внесли в создаваемый фонд по 150 тыс., а остальные епархии — по 50–100 тыс. левов. Кроме того, все приходы страны обязывались выделить в фонд помощи по 1% от своих доходов в 1942 г. Эти средства, а также поступившие пожертвования от общественных организаций, к которым Синод собирался обратиться, должны были перечисляться на специальный счет «Для помощи святой Русской Православной Церкви». Планировалось также создать при Синоде единый комитет для сбора средств, церковных предметов и организации помощи Русской Церкви⁸².

Дебаты о направлении на оккупированную немцами советскую территорию Болгарской духовной миссии продолжались на заседании Синода 25 ноября, когда было решено включить в состав подготавливаемой санитарной миссии Болгарского Красного Креста архимандрита Евгения и двух русских священнослужителей: протопресвитера Георгия Шавельского и протоиерея Николая Владимирского. При этом не отменялось и предыдущее решение о подготовке отдельной Болгарской церковной миссии⁸³. Затем председатель Синода митрополит Неофит несколько дней консультировался с представителями государственной власти, однако итоги этих консультаций оказались неутешительными. Министр иностранных и религиозных дел И. Попов

охладил энтузиазм Владыки категоричным требованием, чтобы Болгарская Церковь не предпринимала абсолютно ничего, ни явно, ни тайно, так как немцы «ревниво относятся ко всяким попыткам помочь русским» и могут истолковать акцию помощи во вред болгарской политике, как демонстрацию славянской солидарности и единства, и потребовать от Болгарии отправки в Россию не духовенства, а боевых дивизий. Попов указал, что, когда был в Берлине, по своей инициативе уже ставил этот вопрос перед немецкими политическими деятелями, и они отнеслись к проведению данной акции негативно. Подобный ответ митрополит Неофит получил и от председателя Народного собрания. Сделанные внушения не заставили архиереев отказаться от христоролюбивой идеи. 5 декабря на заседании Синода они вновь обсуждали детали планируемой акции помощи и текст докладной записки правительству о причинах и целях данной акции. В итоге было решено отправить окружное послание епархиальным органам о сборе денежных средств и утвари для Русской Православной Церкви⁸⁴.

В конце заседания митрополиту Неофиту позвонил И. Попов; результатом их разговора явился небывалый прежде скандал. Узнав о новом решении Синода и подготовке докладной записки правительству, разгневанный министр заявил: «Я думал, что есть умные архиереи, которые без больших рассуждений разберутся, в какое неудобное положение я попаду, если разрешу нечто подобное. Повторяю, что решения и письма по этому вопросу не будут регистрироваться. Никаких сборов помощи, в том числе и тайных. Если Вы принесете мне письмо, то не будете приняты. А чтобы не ждать, пока Вы разберетесь со своими мыслями, акции Синода будут пресечены властями силой». После этих слов министр положил трубку⁸⁵.

Такое отношение огорчило архиереев, но даже после категоричных заявлений министра они решили исполнить свой духовный долг. Для апелляции в стране оставалась последняя инстанция, и 7 декабря митрополит Неофит посетил царя, чтобы лично узнать его мнение о помощи Русской Церкви. Однако оно существенно не отличалось от мнения И. Попова, хотя и было высказано в гораздо более благожелательном и спокойном тоне. Борис III был убежден, что если русские провели 20 лет без духовной свободы, то смогут найти в себе силы подождать еще немного до конца войны. Когда же на оккупированной территории появится гражданская администрация, то дойдет дело и до церковного устройства, и немцы из-за близости болгарского и русского языков якобы сами позовут Болгарскую Православную Церковь на помощь. Царь также заявил, что в настоящее время нельзя давать немцам повод сомневаться в болгарской лояльности, и учтиво, но твердо рекомендовал архиереям прекратить задуманную акцию помощи и даже нигде не упоминать о ней⁸⁶.

Однако и после этого члены Синода на своем заседании 9 декабря почти единогласно решили продолжать сбор помощи Русской Церкви, хотя от посылки в Россию Болгарской духовной миссии теперь пришлось отказаться. В итоге возобладало мнение, что «одна бесшумная подготовка не повредит государственной политике в этот момент». Таким образом, архиереи при-

няли совет царя только наполовину: они перестали публично говорить о помощи Русской Церкви, но разрешили без афиширования собирать деньги, богослужебные книги и утварь в епархиях и приходах. В дальнейшем Синод, полностью взяв на себя ответственность, почти конспиративно при всяком удобном случае помогал страдающей Русской Церкви⁸⁷.

24 декабря 1941 г. митрополит Неофит от имени Синода издал фактически секретное окружное послание, в котором всем епархиальным органам предписывалось собрать излишние или изготовить новые антиминсы, Евангелия, потиры, богослужебные книги, церковные облачения и т. п.; приходы и монастыри должны были выделить из бюджета 1942 г. 1% своих доходов в пользу Русской Церкви, кроме того, часть средств планировалось привлечь из епархиальных фондов на церковные нужды. Так, вопреки категорическим возражениям правительства и царя, Болгарская Церковь начала свою акцию помощи возрождению Русской Церкви⁸⁸. Об этой акции быстро стало известно ведомствам Третьего рейха, что вызвало в их кругах сильное недовольство. 13 ноября, 1 и 20 декабря 1941 г. германский посол в Софии писал своему руководству о предложениях Синода направить на занятую территорию СССР богослужебные книги и церковную утварь⁸⁹. В начале декабря корреспондент одной из немецких газет писал из Софии: «Священный Синод Болгарской Православной Церкви сообщил, что он всеми силами поддержит восстановление Русской Церкви на занятой немцами территории, в качестве первой помощи в Болгарии производится сбор церковной утвари»⁹⁰.

24 января 1942 г. Синод поручил митрополиту Паисию (Анкову), которому предстояла упоминавшаяся церковно-дипломатическая поездка в Берлин, обсудить с представителями германских властей намерение Болгарского экзархата оказать помощь Русской Церкви. Перед поездкой Владыка Паисий встретился с И. Поповым, и тот вынужден был согласиться с подобными переговорами. Кроме того, митрополит добился встречи с царем, чтобы специально выслушать его советы относительно помощи Русской Церкви. Борис III отнесся сочувственно к самой идее. Он, как и прежде, видел серьезные политические препятствия для ее практического осуществления, но согласился с решением Синода поставить этот вопрос перед германским правительством⁹¹.

16 февраля митрополит Паисий прибыл в Берлин и вскоре начал переговоры с международной службой Германской Евангелической Церкви. Согласно докладу последней от 13 марта в МИД, «в беседах с митрополитом отчетливо выявился большой интерес Болгарской Православной Церкви к восстановлению православной Церкви России. Сама Болгарская Церковь готова к разнообразной помощи». На это Владыке было указано, «что для германского правительства в настоящее время в России на первом плане стоят важные военные задачи». После этого состоялись переговоры и с другими немецкими ведомствами⁹². Поездка митрополита Паисия имела весьма ограниченный успех. Германские власти остались непреклонны в решении не допустить на оккупированную территорию СССР священнослужителей Русской Православной Церкви из-за границы как носителей националистических

и монархических идей, оправдываясь тем, что некоторые русские эмигранты заражены большевизмом, а другие разделены, и они могут привести этот раскол в русский народ. Не было поддержано и предложение митрополита отправить в Россию болгарских священников, но для вида немцы не возражали против возможной помощи Болгарской Церкви по официальным каналам через Берлин. Владыка Паисий также пытался получить сведения о положении советских военнопленных, однако ему заявили, что Германия не имеет обязательств перед ними, так как СССР не подписал никакой международной конвенции о содержании военнопленных. Правда, митрополиту удалось убедить немецких чиновников раздать советским пленным религиозную литературу⁹³. Митрополит Паисий также несколько раз встречался с православным архиепископом Берлинским и Германским в юрисдикции РПЦЗ Серафимом (Ляде), который сказал, что пытается распространять религиозную литературу среди военнопленных и вообще как-то помогать им. Архиепископ отметил, что в России существует большая нужда в антиминсах, святом мире, богослужебных книгах и попросил помочь⁹⁴.

Вернувшись в Софию, Владыка Паисий 19 и 20 марта подготовил подробный отчет Синоду о результатах своей поездки, заявив: «Я пришел к выводу, что немцы пытаются создать отдельные православные церкви для народов России: отдельные независимые православные Церкви для украинцев, белорусов, карпатороссов и др.». Это выступление совпало с новостью, которую сообщил перед заседанием 20 марта митрополиту Неофиту начальник департамента вероисповеданий Георгий Цветинов: германское посольство дало официальное согласие через него отправлять помощь Болгарского экзархата Русской Церкви⁹⁵.

Как уже отмечалось, Болгарская Церковь была готова пойти и значительно дальше, чем только отправка церковной утвари. В заметке германского МИД в январе 1942 г. говорилось, что Священный Синод назначил для отправки в Россию особых церковных миссионеров и, если будет установлена необходимость, готов отправить епископов⁹⁶. К этому времени Синод действительно собрал для церковной работы на оккупированной территории СССР 1800 тыс. левов и намеревался в случае получения разрешения правительства послать туда для миссионерской деятельности 10 служивших на территории Болгарии русских и нескольких болгарских священников. Однако германские ведомства (а под их давлением и болгарские власти) всячески препятствовали подобной деятельности и не допустили священнослужителей из Болгарии в оккупированные области СССР⁹⁷. И все же материальная помощь достигала Украины и России, прежде всего при посредничестве Русской Православной Церкви за границей. Еще в декабре 1941 г. ее Первоиерарх митрополит Анастасий (Грибановский), узнав из газетных сообщений о сборах для Русской Церкви в Болгарии, написал архиепископу Серафиму (Соболеву): «Я полагаю бы необходимым выразить благодарность от лица Архиерейского Синода тем, кто предпринял это благое дело, и прошу Ваше Высокопреосвященство уведомить меня, кому должна быть обращена такая благодарность»⁹⁸.

В январе 1942 г. Синод удовлетворил просьбу русских монахов Афона о помощи деньгами и продуктами, а в апреле того же года выслал архиепископу Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде) 100 антиминсов, 3 кг святого мира, иконы, богослужебную литературу и утварь для дальнейшей переправки в Россию⁹⁹. Значительная помощь была предоставлена и автономной Украинской Православной Церкви, в частности Киевской епархии и Почаевской лавре. В ходе бесед митрополита Паисия с архиепископом Серафимом (Ляде) в Берлине в феврале—марте 1942 г. специально обсуждался вопрос о помощи Киевской епархии.

Особенно крупная помощь со стороны Болгарской Церкви оказывалась русскому монашескому братству прп. Иова Почаевского в Словакии в его широкомасштабной издательской деятельности для православных приходов на Востоке. В письме Болгарскому Синоду от 28 февраля 1942 г. Владыка Серафим (Ляде) настоятельно просил поддержать «вверенный ему» монастырь в Словакии¹⁰⁰. Впервые крупная денежная сумма в 300 тыс. левов братству прп. Иова была выделена решением Синода от 16 марта и переведена по банковским каналам в июле 1942 г. В марте 1943 г. настоятель братства архимандрит Серафим лично приехал в Софию. Результаты поездки превзошли все ожидания. Священный Синод предоставил братству 600 тыс. левов на печатание богослужебной литературы, растительное масло и хлеб. Синод обещал взять обитель под свое покровительство и впредь постоянно оказывать ей моральную и материальную поддержку. В ноябре 1943 г. состоялась вторая поездка архимандрита Серафима в Софию. Он был принят митрополитом Неофитом и по решению Синода от 19 ноября через несколько месяцев получил еще 300 тыс. левов на издательскую деятельность, а также продукты¹⁰¹. Эта помощь вызвала сердечную благодарность Владыки Серафима, а митрополит Анастасий (Грибановский), представитель Архиерейского Синода РПЦЗ, направил Болгарскому Синоду специальное благодарственное письмо¹⁰².

Между тем в синодальную кассу начала поступать помощь для Русской Церкви из епархий, собранная в соответствии с окружным посланием от 24 декабря 1941 г. Откликнулись даже епархии в Македонии и Эгейской Фракии, сами испытывавшие острую нужду. 28 мая 1943 г. Синод направил новое окружное послание, в котором предлагал митрополитам побыстрее исполнять прошлое послание и срочно переслать собранные сумму и материалы¹⁰³. В течение всего 1943 г. в Синод продолжали поступать собранные в епархиях для Русской Церкви церковные книги, облачения, утварь, деньги и проч. Продолжала оказываться и помощь русским афонским монахам. Весной 1943 г. святое миро, антиминсы и богослужебные книги удалось переправить в Херсонско-Николаевскую и Киевскую епархии¹⁰⁴. В бюджете на 1944 г. Синод запланировал новые 500 тыс. левов для Русской Церкви и, как обычно, 60 тыс. левов на содержание архиепископа Серафима (Соболева) и 50 тыс. левов на помощь русским обителям Афона¹⁰⁵. Таким образом, несмотря на противодействие властей страны, Болгарская Церковь на протяжении почти всего периода Второй мировой войны активно помогала русской церковной жизни.

Еще одним конфликтным вопросом было основание и деятельность государственной молодежной организации «Бранник», созданной по образцу Гитлерюгенда в Германии. Отношение к ней Церкви специально рассматривалось на заседаниях Синода 10 и 11 декабря 1942 г. Митрополит Стефан отметил, что он с самого начала был против создания организации «Бранник», «как подражания тому, что появилось в тоталитарных государствах», и теперь убедился в своей правоте: «В ней воспитывают молодежь, далекую от церковной атмосферы и христианских идеалов». После обсуждения вопроса Синод решил написать премьер-министру послание со своими предложениями для исправления ситуации: 1) включить в штаб организации представителя Болгарской Православной Церкви в качестве постоянного советника с правом участия во всех заседаниях; 2) разрешить духовным лицам и законоучителям быть духовными руководителями браннических «дружин», «венцов» и «орлят»; 3) решить вопрос о коллективном членстве православных христианских содружеств в «Браннике»; 4) не посягать на самостоятельность православных христианских содружеств и не препятствовать образованию новых содружеств; 5) разрешить членство в «Браннике» участникам содружеств¹⁰⁶.

На этом конфликт исчерпан не был. Почти во всех предложениях Церкви отказали. В свою очередь Синод стал еще более негативно относиться к «Браннику». Так, например, на запрос ректора Софийской семинарии, надо ли образовывать при семинарии бранническую дружину, как того требует руководство этой организации, Синод 17 декабря 1942 г. ответил отрицательно. Вскоре митрополиты Борис и Иосиф сообщили о категорическом отказе Синода руководителям «Бранника»¹⁰⁷. Лишь 19 июля 1943 г. Синод смог назначить своего секретаря архимандрита Дамаскина временным советником по религиозному обучению при штабе организации, а 16 октября 1943 г. постоянным советником был назначен начальник культурно-просветительного отдела Синода архимандрит Иосиф. Но и после этого трения с «Бранником» не прекратились¹⁰⁸.

Кроме указанных конфликтов были и другие. Православные священнослужители постоянно заступались за гонимых, арестованных, находившихся в концлагерях и их близких, просили об отмене судебных приговоров, особенно смертных. Когда летом 1944 г. Синод получил сведения о подготовке «чистки» лиц, известных как антифашисты и противники официального внутреннего и внешнего курса, он направил в правительство увещание не проводить ее. В письме премьер-министру К. Георгиеву от 14 октября 1944 г. члены Синода отмечали, что «такое поведение, без сомнения, беспокоило и озлобляло» царское правительство, с которым у Церкви был «постоянный конфликт». Болгарская Православная Церковь считалась оппозицией, что не раз заявлялось как архиереям, так и в Народном собрании; отношение к ней «было недружественное, а часто открыто враждебное». На проводивший «независимую линию» Синод власти смотрели «с подозрением и недоверием» и поэтому не давали согласие на каноническое устройство Церкви, хотя архиереи неоднократно пытались добиться этого¹⁰⁹.

Несмотря на несогласие с правительством по целому ряду вопросов, болгарские архиереи участвовали во всех основных государственных мероприятиях и праздниках. Межцерковные контакты Болгарская Церковь поддерживала в основном с Церквями на территории Германии и союзных с ней государств¹¹⁰. Значительное оживление религиозной жизни в результате проводимой Синодом с 1940 г. политики «духовной мобилизации» позволило создать экономический фундамент для независимости Церкви. На одном из своих заседаний в конце 1942 г. Синод даже отметил, что среди болгарского народа возникло небывалое прежде «религиозно-нравственное возрождение». Особенно членов Синода впечатлил состоявшийся в апреле 1942 г. в Асеновграде Собор православных христианских братств, в ходе которого 300 священнослужителей и несколько десятков тысяч мирян во главе с митрополитом Кириллом провели грандиозное шествие от города до Бачковского монастыря¹¹¹. В это же время был создан общий Союз братств под единым руководством и принято решение образовать братства во всех городах и многих селах. Синод уделял значительное внимание деятельности движения православных христианских братств, в частности распространению ими церковной литературы, вплоть до конца 1944 г.¹¹²

Не прекращалась и другая религиозно-просветительская работа. Так, например, Синод сразу же откликнулся на письмо Дирекции национальной пропаганды от 28 марта 1944 г. с просьбой об усилении просветительской деятельности Церкви путем устройства в приходах специальных бесед по национальному просвещению¹¹³. В связи с бедствиями военного времени увеличились размеры благотворительной церковной помощи. Весной 1942 г. от сильнейшего наводнения в г. Видине пострадали 19 тыс. человек, и 19 марта Синод выделил пострадавшим 500 тыс. левов; Видинская митрополия пожертвовала 350 тыс., Доростоло-Червенская — 30 тыс. левов¹¹⁴.

Активно действовали епархиальные приюты, церковные больницы, осуществлялось сотрудничество с Болгарским Красным Крестом (особенно на «новоосвобожденных землях»). Только в Варненско-Преславской епархии в 1942 г. было 40 братств, занимавшихся религиозно-просветительской и благотворительной деятельностью, 4 церковных печатных органа, 107 православных христианских содружеств (7502 участника), 85 церковных училищ и читален, 5 приютов, детских домов, колоний на 340 человек и 61 бесплатная церковная трапезная на 2822 человека¹¹⁵. В Велико-Тырновской епархии более 20 монастырей занимались благотворительной деятельностью, в конце 1942 г. завершалось строительство сиротского приюта, трапезной и профессионального училища при Видинской митрополии и т. д.

Большой вред церковной жизни причинили жестокие бомбардировки англо-американской авиацией столицы и других крупных болгарских городов. В результате частичного разрушения 19 ноября 1943 г. здания Синода и связанного с этим временного прекращения выхода официального печатного органа — «Церковного вестника» — административная церковная деятельность оказалась сильно ослаблена. Резко сократилось производство свечей для храмов. Бомбардировка 10 января 1944 г. принесла новые значительные

разрушения и жертвы. По этому поводу Синод 27 января выступил с «Посланием к болгарскому народу», в котором призывал не падать духом, а молясь и уповая на Бога, проявить единомыслие, сплоченность, твердость и братскую солидарность¹¹⁶.

Из-за бомбардировок в январе 1944 г. Софийская семинария была эвакуирована в Петропавловский монастырь, Богословский факультет Софийского университета и Пловдивская семинария — в Бачковский монастырь, Пловдивская митрополия — в Асеновград, синодальная типография — в Луковит, а сам Синод (канцелярия, часть ризницы, библиотеки и другие службы) 22 января вынужденно переехал в Черепишский Успенско-Богородицкий монастырь, в здание местного Богословско-пастырского института, который в свою очередь эвакуировался в Рильскую обитель. Учебный год был приостановлен, прекратился выпуск почти всех синодальных и епархиальных периодических изданий, кроме «Церковного вестника», который выходил в ограниченном объеме и формате¹¹⁷. В Рильский монастырь по решению Синода от 11 марта эвакуировали и Центральный церковный историко-археологический музей, в том числе ценности, вывезенные с греческой и югославской территорий (после окончания войны их вернули этим государствам)¹¹⁸.

В марте 1944 г. в результате авиационных налетов были разрушены несколько софийских храмов, здание Богословского факультета, сгорели все 3 столичных церковных магазина, склад книг и икон синодальная часовня, Синодальная библиотека и помещение синодальной ризницы, где погибла оставшаяся там после эвакуации часть вещей и архивных документов. Из 19,3 тыс. хранившихся в библиотеке книг уцелело лишь 514, ранее вывезенных. Полностью сгорел бесценный синодальный архив, за исключением документов, эвакуированных в Рильский монастырь. 31 мая 1944 г. от бомбардировки серьезно пострадало оставшееся в Софии синодальное издательство, сгорело много хранившихся там книг¹¹⁹. Было разрушено и несколько храмов в других городах Болгарии: Пловдиве, Русе, Враце и др. Лишь 6 октября 1944 г. канцелярия Синода вернулась в Софию.

Вплоть до осени 1943 г. Германии с помощью болгарского правительства в основном удавалось удерживать Болгарскую Церковь в сфере своего влияния, хотя особых иллюзий на этот счет нацистское руководство не питало. Еще 31 марта 1942 г. в застольной беседе в своей штаб-квартире А. Гитлер заявил: «Болгарская Церковь тянется к Москве. Население Болгарии и сегодня, то есть уже при советской системе [в СССР], в идейном отношении настроено панславянски»¹²⁰. Стремясь использовать Болгарскую Церковь в антисоветской пропаганде, германский МИД пригласил ее представителя участвовать в Катинском акте 1943 г. (вскрытие массовых захоронений в Катини под Смоленском), который установил факт расстрела органами НКВД польских военнопленных в 1939 г. В Катинь ездил ректор Софийской семинарии архимандрит Николай. С этой же целью летом 1943 г. правительство Третьего рейха включило в состав международной комиссии по изучению массового захоронения жертв террора НКВД под Винницей протосин-

келла Скопле-Велешской епархии архимандрита Стефана. Он и еще один представитель Болгарии ездили через Германию в Винницу, но использовать эту поездку в антисоветских целях нацистской пропаганде в Болгарии не удалось¹²¹. С марта 1942 г. некоторые германские ведомства (МИД и Министерство церковных дел) пытались оказать содействие в открытии болгарского православного храма в Берлине. Однако решение этого вопроса, несмотря на неоднократные ходатайства болгарского посольства, затянулось. Лишь к январю 1944 г. выяснилось, что болгарской общине может быть передано здание закрытой в 1941 г. Американской церкви, однако оно находилось под защитой швейцарского посольства и, вероятно, так и не было предоставлено в пользование болгарам¹²².

Болгарская Православная Церковь с глубокой скорбью восприняла кончину в августе 1943 г. царя Бориса III, правившего с 1918 г. В кафедральном соборе св. князя Александра Невского состоялось торжественное отпевание. Новым царем Болгарии был провозглашен 6-летний сын Бориса III и царицы Иоанны Симеон II, регентом стал брат покойного монарха князь Преславский Кирилл (расстрелян коммунистами 3 февраля 1945 г.), а в число 4 опекунов малолетнего царя первоначально был выбран митрополит Ловечский Филарет (16 октября 1943 г. он отказался войти в опекунский совет)¹²³. Следует отметить, что князь Кирилл в основном продолжал курс политики своего брата, в частности, по настоянию Церкви также отказался выдать болгарских евреев Германии.

Ведомства Третьего рейха попытались использовать смерть царя в пропагандистских целях. В состав германской делегации на похоронах входили: в качестве личного представителя фюрера адмирал Редер, фельдмаршал Кейтель и другие высокопоставленные лица, а в траурном параде болгарской армии участвовал почетный немецкий батальон. 2 сентября 1943 г. все ведомства Рейха были проинформированы о предоставлении необходимого свободного времени болгарским рабочим для участия в траурных мероприятиях по случаю смерти царя¹²⁴. Однако такие меры уже не давали желаемого эффекта. Следует отметить, что советский посол в Болгарии Лавричев также участвовал в похоронах Бориса III и, когда поклонился катафалку, на котором везли тело царя, демонстративно «перекрестился, как верующий христианин», чем, по информации германского МИД, «произвел большое впечатление на болгарский народ»¹²⁵.

Существенные перемены в положении Русской Церкви в СССР и избрание 9 сентября 1943 г. митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси стали решающими событиями в изменении международной позиции Болгарской Церкви. Уже 9 сентября Священный Синод «с удовольствием» заслушал информацию о приеме Сталиным русских митрополитов, разрешении созыва Архиерейского Собора для выбора Патриарха и включения митрополита Киевского и Галицкого, управляющего Московской епархией, Николая (Ярушевича) в состав Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков¹²⁶. В письме членов Синода премьер-министру Болгарии от 14 октября

1944 г. отмечалось, что ранее они не пошли навстречу требованиям германского правительства осудить как неканоничное избрание Патриарха Сергия и «категорически отклонили» их¹²⁷.

15 октября 1943 г. в официальном печатном органе Болгарской Церкви была опубликована статья, в которой, хотя и осторожно, но в целом позитивно оценивались перемены в СССР: «Быстрота, с которой Русская Православная Церковь канонически устроилась и получила легализацию со стороны советской власти, является поистине неожиданностью для всего христианского мира... Новоизбранный Русский Патриарх Сергий — известный в православной Церкви архиерей... архипастырь большого масштаба, огромного ума, знания и вдохновения... Лично он — подвижник, аскет и молитвенник. За все время гонения на Церковь в России он не покидал страну. Но в данном случае не личность играет первенствующую роль. Важное значение имеет тот факт, что большевистская власть официально признала право и свободу Церкви на организацию и управление... Во всяком случае сколько бы православные христиане и христианский мир не хотели видеть и чувствовать облегчение в новом положении Русской Православной Церкви, которая, получив свободу, отдыхает от своих тяжелых испытаний, в оценке этого столь же крупного, сколь и сенсационного события, всем нам необходимо быть внимательными, бдительными и трезвыми»¹²⁸.

Через несколько месяцев Болгарская Церковь занимала уже антигерманскую позицию. В аналитической записке от 31 марта 1944 г. референт германского МИД Колреп писал, что она после выборов Московского Патриарха полностью изменила свой антибольшевистский курс церковной политики и сейчас в ней господствуют «просергианские и, таким образом, пробольшевистские настроения». Врачанский митрополит Паисий во время встречи в ноябре 1943 г. с настоятелем монастыря прп. Иова архимандритом Серафимом в резких словах осудил резолюцию Венской конференции архиереев РПЦЗ о непризнании выборов Патриарха Сергия и их, по его мнению, «германофильскую позицию». Позиция Владыки Паисия получила одобрение других болгарских архиереев. Колреп сообщал также, что советский посол посетил в Бачковском монастыре митрополита Кирилла и в продолжительной беседе с ним особенно интересовался возможностью признания выборов Московского Патриарха со стороны Болгарской Церкви. Владыка заверил посла, что оно последует, и другие архиереи выразили свое согласие. Лавричев просил также помочь в возвращении и ремонте используемой болгарскими русской церкви в Софии. Митрополит согласился это сделать в случае, если советское правительство пришлет в Софию священника¹²⁹.

Нацисты всячески пытались изменить ситуацию. Когда 9 октября 1943 г. в Берлине получили сообщение из немецкого посольства в Болгарии, что ему не удастся организовать осуждение избрания митрополита Сергия Московским Патриархом, было решено послать в Софию с пропагандистскими целями резолюции и воззвания некоторых русских архиереев, не признавших избрание Владыки Сергия. В течение месяца это было сделано, но особого успеха не принесло. 17 апреля 1944 г. германский МИД также переслал сво-

ему послужив в Болгарии резолюцию состоявшейся 5 апреля в Риге архиерейской конференции Прибалтийского экзархата Русской Церкви (в ней наряду с антикоммунистическими призывами содержалось по сути признание избрания Патриарха Сергия), а 21 апреля — антикоммунистическое письмо митрополиту Неофиту православного экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского)¹³⁰. Митрополиту Неофиту также было передано письмо к нему Собора епископов автономной Украинской Православной Церкви от 6 апреля 1944 г. Еще одно письмо митрополиту Неофиту пришло от администратора-митрополита автокефальной Украинской церкви Поликарпа Сикорского (от 27 апреля 1944 г.), который просил Болгарский Синод взять на себя попечение над его паствой, оказавшейся в Болгарии, огласить ей послание администратора и молиться, «чтобы Господь милосердный послал освобождение нашему народу от насилия безбожного врага всего верующего человечества»¹³¹. Пасхальные послания экзарха Сергия и архиереев автономной и автокефальной Украинских Православных Церквей (тоже резко антисоветские) были переведены на болгарский язык, напечатаны тиражом 5 тыс. экземпляров и распространены среди священнослужителей¹³². Планировалось также направить в Софию для антикоммунистической агитации первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) или эвакуированных с территории СССР православных архиереев, но по ряду причин осуществить это не получилось. В конечном итоге все пропагандистские усилия нацистов оказались напрасны.

В своей аналитической записке от 15 июня 1944 г. другой чиновник германского МИД Круммхюбел отмечал, что «в Болгарии отсутствие церковного главы и конфликт между правительством и Священным Синодом делает положение особенно тяжелым». «Англофил» митрополит Стефан якобы препятствует выборам главы Болгарской Церкви и отстаивает точку зрения, что он как Софийский митрополит автоматически должен возглавить Церковь, при этом «его склонность к русским очевидна». Хотя немецкое посольство еще писало об остающейся прежней дружественности к немцам митрополита Паисия и значительной части болгарских архиереев, абвер и СД по своим источникам сообщали, что все иерархи, даже митрополит Паисий, истолковывают немецкие трудности в прорусском духе¹³³. К середине 1944 г. Болгарская Церковь твердо заняла промосковскую позицию.

Исходя из документов из Архива внешней разведки России к этому времени (не ранее конца 1943 г.) митрополит Стефан стал активно сотрудничать с резидентом советской разведки в Болгарии Д. Г. Федичкиным. Согласно публикации в «Очерках истории советской внешней разведки», «соглашение о сотрудничестве было достигнуто быстро. Митрополит поставил вопрос так: он готов помогать при условии, если советские представители в свою очередь помогут ему сохранить место столичного епископа, а возможно, и занять пост Патриарха Болгарской Церкви, которая должна отделиться от Константинопольской православной Патриархии. Такая помощь ему была обещана. Митрополит Стефан, прекрасно осведомленный о политических интригах болгарской верхушки, начал регулярно информировать Федичкина о враждебных СССР планах и акциях болгарских властей и их немецких союзников»¹³⁴.

Связь с митрополитом поддерживалась через священника расположенной рядом с советским посольством русской Никольской церкви, а амвон этой церкви использовался в качестве тайника. Кроме того, Д. Федичкин нередко ездил на личной машине митрополита, которую без проверки пропускали все полицейские посты в Софии и окрестностях¹³⁵.

К 1944 г. в стране развернулось активное партизанское движение. Вооруженное сопротивление в Болгарии, в отличие от Югославии и Греции, находилось исключительно под контролем коммунистов (Болгарской рабочей партии — БРП), ориентированных на СССР. Летом 1942 г. был образован Отечественный фронт, но до августа 1944 г. он оставался нелегальной революционной организацией под руководством БРП. Важную роль в деятельности последней играл живший в Москве глава Заграничного бюро БРП Георгий Димитров¹³⁶. Весной 1943 г. под руководством коммунистов началось объединение партизанских отрядов в Народно-освободительную армию. Для борьбы с разгоравшимся сопротивлением в Болгарии были созданы концлагеря, по некоторым сведениям в Болгарии и на занятой болгарскими войсками территории в результате акций возмездия за действия партизан погибли около 40 тыс. мирных жителей¹³⁷. В условиях нараставшего кризиса прежнее правительство было отправлено в отставку и в середине июня 1944 г. сформировано новое (пост министра иностранных и религиозных дел занял П. Драганов).

Кризисное внутреннее и внешнее положение страны обсуждалось на заседании Священного Синода 21 июня. Архиереи отмечали, что большая часть болгарского народа выступает за нейтральную внешнюю политику Болгарии; объявление войны Великобританией и США было «грехом», поэтому особенно важно упрочить добрые отношения с Россией, которая «может нас защитить»¹³⁸. 26 июня Синод обратился к новому премьер-министру Болгарии И. Багрянову с посланием, которое стало яркой иллюстрацией смысла проведенной Церковью «духовной мобилизации», давшей ей право выступать посредником между народом и государством, быть интерпретатором народной воли и моральным гарантом национальных интересов. В послании анализировалось внешнее и внутреннее положение страны. В области внешней политики Синод считал, что в период столкновения великих держав для Болгарии самой правильной позицией был бы нейтралитет. При этом отмечалось, что болгары хранят к русскому народу исконные чувства национальной и религиозной близости, а также благодарности за великое дело освобождения в 1878 г. Синод обращал внимание на необходимость особенно стремиться избежать ухудшения отношений с Россией, насколько это зависит от болгарского правительства.

В области внутренней политики предлагалось осуществить следующую программу: 1) пресечение всякой чуждой политики, идеологии, культурной и религиозной пропаганды; 2) скорейшее принятие мер против коррупции; 3) установление близости между народом и государственной властью посредством «положительных законодательных и управленческих изменений» и «привлечения в администрацию и в правительство лиц, пользующихся об-

щественным доверием и имеющих несомненную связь с широкими народными слоями»; 4) принятие необходимых мер для обеспечения «патриотичной и честной администрации»; 5) прекращение административного и полицейского своеволия, в частности наложение наказаний на «врагов государства» и их косвенных пособников лишь после расследования и доказательства их вины законным судом, а также освобождение от репрессий членов семей «незаконных» (т. е. партизан)¹³⁹. Выпуск послания явился смелым политическим шагом, так как содержание этого документа находилось в вопиющем противоречии не только с официальной внешней и внутренней политикой страны, но и с породившими ее условиями и мотивами. По справедливому замечанию С. Елдърова, послание от 26 июня 1944 г. было «в сущности, крайним производным идеи независимости от государства, существовавшей у духовной элиты Болгарской Православной Церкви»¹⁴⁰.

В это же время Болгарский Синод пытался завязать контакты с Московской Патриархией. На своем заседании 4 июля 1944 г. он отмечал, что премьер-министр дал согласие на запрос о поставке пчелиного воска для свечей из СССР. Члены Синода считали, что это позволит установить связь с Русской Церковью и решили направить правительству запрос о возможности вступления в каноническое общение «двум сестрам Православным Церквам — Русской и Болгарской». В тот же день было решено в случае согласия правительства уполномочить митрополита Паисия установить контакты с Московской Патриархией¹⁴¹. Правда, в то время согласие властей получить не удалось.

В конце лета 1944 г. болгарское правительство потребовало вывода германских войск из страны и одновременно вывело свои части из Македонии и Эгейской Фракии. В результате быстро нараставшего политического кризиса Багрянов был отправлен в отставку, и 2 сентября сформировано новое правительство во главе с Константином Муравиевым. 5 сентября СССР объявил войну Болгарии, и через 3 дня советские войска вступили на ее территорию, болгарские части никакого сопротивления не оказали (их даже не разоружали), а население в основном приветствовало Красную армию.

Переход советских войск через Дунай сыграл роль катализатора внутривнутриполитических процессов, и хотя правительство Муравиева 8 сентября объявило войну Германии, на следующий день, 9 сентября, произошел вооруженный государственный переворот, в результате которого к власти пришло коалиционное правительство Отечественного фронта, где доминирующую роль играли коммунисты. 15 сентября советские войска вошли в Софию, а 28 октября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии, обеспечившее решающую роль представителя СССР в Союзной контрольной комиссии. В дальнейшем болгарские части сражались на стороне антигитлеровской коалиции на территории Югославии, Венгрии и Австрии¹⁴².

Переворот 9 сентября 1944 г. коренным образом изменил не только внутреннюю и внешнюю политику Болгарии, но и положение ее православной Церкви. Болгарский Синод сразу же приветствовал политические изменения и благословил правительство Отечественного фронта. Такая реакция Синода

была вызвана тем, что большинство его членов являлись убежденными славянофилами, не одобряли союз с нацистской Германией и приветствовали переход своей страны в антигитлеровскую коалицию в духе высказанной в завещании экзарха Йосифа I идеи единства славянства и православия. С данной идеей была созвучна декларация нового правительства о дружбе с западными демократиями и СССР, присоединении к антигитлеровской коалиции и организации на широкой основе славянских комитетов. В то же время архиереи опасались установления коммунистического режима в стране и надеялись на политическую победу других партий, входивших в Отечественный фронт. К тому же некоторые члены Синода были скомпрометированы активной поддержкой болгарской гражданской и военной администрации в Македонии и Эгейской Фракии.

В этих условиях на первый план выдвинулся Софийский митрополит Стефан, чья фигура первоначально удовлетворяла все политические силы, включая коммунистов. Именно он в январе 1945 г. был избран экзархом Болгарской Православной Церкви. При активном содействии Московского Патриарха Константинопольская Патриархия 22 февраля 1945 г. отменила прецедента против Болгарской Церкви и предоставила ей автокефалию¹⁴³.

Однако вскоре стало ясно, что надежды митрополита Стефана на взаимное проникновение и слияние славянства и православия с коммунистической властью являются утопией. Тоталитарное государство не могло допустить такую влиятельную соперницу, как Церковь, в своем стремлении идейно подчинить себе всех граждан. Болгарский экзархат был лишен своих земельных наделов и основной части финансовых средств, священнослужители подверглись гонениям. Церковь стала быстро терять свое влияние на общество, которое пронесла через века османского владычества. 8 сентября 1948 г. по требованию новых властей страны решением Синода митрополит Стефан был освобожден от должности экзарха и лишен управления Софийской кафедрой¹⁴⁴.

Так закончилась эпоха самостоятельной международной и внутриполитической деятельности Болгарской Православной Церкви, особенно активной в годы Второй мировой войны. В это время экзархат, чувствуя поддержку широких народных масс, неоднократно выступал против тех или иных действий прогерманского правительства, что наиболее ярко проявилось в защите евреев и оказании помощи возрождавшейся Русской Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Аврамов К.* Българската Православна Църква и антифашистката борба през годините на Втората световна война // *Православието в България (Теоретико-историческо осветление)*. София, 1974. С. 207–224.
- ² См.: *Джавезов С.* Възгледите на Българската Църква за войната и мира // *Атеистична трибуна*. 1986. № 1. С. 72–81.
- ³ *Елдъров С.* Православието на войне. Българската Православна Църква и войните на България 1877–1945. София, 2004. С. 228.

- ⁴ *Калканджиева Д.* Българската православна църква и «народната демокрация» (1944–1953). Силистра, 2002. С. 77, 205; *Скурат К. Е.* История Поместных Православных Церквей. Т. 1. М., 1994. С. 241–309; *Bryner E.* Die Ostkirchen vom 18 bis zum 20. Jahrhundert. Leipzig, 1996. S. 102; Bundesarchiv Berlin (BA), R5101/22173, Bl. 36, 66.
- ⁵ Централен държавен архив — София (далее — ЦДА), ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 65, л. 35.
- ⁶ Стефан (Шоков) обучался в Киевской Духовной академии, Протестантском университете в Женеве и Католическом университете во Фрибуре, преподавал на Богословском факультете Софийского университета. В 1922 г. занял Софийскую кафедру, а в 1926 г. стал членом Священного Синода. Считал себя духовным сыном экзарха Иосифа I и в области международной и внутриболгарской деятельности стремился следовать его заветам. С начала 1920-х гг. являлся постоянным участником ежегодных всемирных церковных конференций, затем стал членом Всемирного союза за мир от Болгарской Церкви, активным участником работы Международного Красного Креста, и в 1930-х гг. уже был признанным авторитетом в международном христианском миротворческом и экуменическом движениях (*Гришина Р. П.* Общественно-политическая деятельность Софийского митрополита Стефана в 20–30-е годы XX в. // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 300–309; *Бълхова М. И.* Правда об экзархе Стефане // Церковь в истории России. Сб. 3. М., 1999. С. 195–198).
- ⁷ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 62, л. 245–246, ед. хр. 64, л. 239, 660; *Елдьров С.* Указ. соч. С. 222–226.
- ⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 62, л. 135–142.
- ⁹ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 228.
- ¹⁰ Там же. С. 234.
- ¹¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 62, л. 155–159, 181–186.
- ¹² Там же, л. 267–278, ед. хр. 65, л. 3, 11–16; Църковен вестник. 1940. 20 септември.
- ¹³ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 62, л. 65–78, ед. хр. 65, л. 38–40; Църковен вестник. 1941. 3 януари.
- ¹⁴ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 242.
- ¹⁵ Църковен вестник. 1939. 1 септември; 8 септември; 13 октомври; 20 октомври; 3 ноември.
- ¹⁶ Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), MA 515.
- ¹⁷ Църковен вестник. 1941. 14 март.
- ¹⁸ Там же. 1941. 18 април; *Елдьров С.* Указ. соч. С. 214.
- ¹⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 67, л. 30–50; Църковен вестник. 1941. 16 май.
- ²⁰ Църковен вестник. 1941. 9 май.
- ²¹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 14.
- ²² *Лазов Д.* Экзарх Стефан I. Живот, апостолство и творчество. София, 1947. С. 255.
- ²³ *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 38, 41; Правда о религии в России. М., 1942. С. 277–278, 293.
- ²⁴ BA, R5101/22173, Bl. 155, 251, R5101/21950, Bl. 187.
- ²⁵ Ebd., R5101/22177, Bl. 1–3, 21–22, 28.
- ²⁶ Ebd., Bl. 125–127, R5101/22412, Bl. 109.
- ²⁷ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 64, л. 213–214, 234, 246.
- ²⁸ Там же, ед. хр. 65, л. 48.
- ²⁹ Там же, л. 50.
- ³⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 163, л. 52, 56.
- ³¹ BA, R5101/23177, Bl. 71.
- ³² Ebd., Bl. 131; *Стоянова В.* Църковно-административната уредба на Македония и Тракия и изборът на Патриарх на Българската Православна Църква // Минало. София. 1994. № 4. С. 55–65.
- ³³ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 245–246.
- ³⁴ ЦДА, ф. 1318к, оп. 1, ед. хр. 2264, л. 1–6.
- ³⁵ Там же, ед. хр. 2263, л. 5–6.

- ³⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 69, л. 343–345, 377, оп. 2, ед. хр. 227, л. 2–20.
- ³⁷ Там же, оп. 2, ед. хр. 228, л. 1–3.
- ³⁸ Там же, оп. 1, ед. хр. 66, л. 209, 227.
- ³⁹ Там же, д. 67, л. 158–159.
- ⁴⁰ Там же, ед. хр. 70, л. 65, 72–74.
- ⁴¹ ВА, R5101/22177, Вл. 159; *Слијепчевић Ђ.* Македонско црквено питање. Минхен, 1969. С. 42.
- ⁴² Държавен вестник. 1942. 10 юния.
- ⁴³ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 68, л. 366, 483–489, 499–501.
- ⁴⁴ *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 302.
- ⁴⁵ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 10, л. 19–49.
- ⁴⁶ Там же, л. 62–63.
- ⁴⁷ Там же, л. 11–12, 18, 60, 64, 78.
- ⁴⁸ ВА, R5101/22177, Вл. 10–11, 18.
- ⁴⁹ Ebd., Вл. 117.
- ⁵⁰ Ebd., R901/69300, Вл. 67.
- ⁵¹ Ebd., R901/69301, Вл. 29.
- ⁵² Ebd., R901/69300, Вл. 132.
- ⁵³ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 204, л. 1.
- ⁵⁴ ВА, R5101/23177, Вл. 129–130.
- ⁵⁵ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 10, л. 3.
- ⁵⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 70, л. 38.
- ⁵⁷ Там же, л. 41–52.
- ⁵⁸ *Елдъргов С.* Указ. соч. С. 259.
- ⁵⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 70, л. 322.
- ⁶⁰ Спасяването на българските евреи през Втората световна война. Международен симпозиум. София, 1995. С. 28.
- ⁶¹ *Бар-Зоар М.* Извън хватката на Хитлер. Героично спасяване на българските евреи. София, 1999. С. 46.
- ⁶² ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 65, л. 30–34.
- ⁶³ Там же, л. 36–38.
- ⁶⁴ Там же, л. 40 об. – 43.
- ⁶⁵ Там же, л. 46–47 об.
- ⁶⁶ Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война (Документи и материали). София, 1978. С. 112–113.
- ⁶⁷ См.: *Дубова Л., Чернявский Г.* Опыт беды и выживания: судьба евреев Болгарии в годы Второй мировой войны. София, 2007.
- ⁶⁸ *Hartel H.-J., Schönfeld R.* Bulgarien vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 1998. S. 189; *Скурам К. Е.* Указ. соч. С. 269.
- ⁶⁹ Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война. С. 178–179.
- ⁷⁰ *Hartel H.-J., Schönfeld R.* Op. cit. S. 190.
- ⁷¹ *Бар-Зоар М.* Указ. соч. С. 128; Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война. С. 178, 180.
- ⁷² Там же. С. 177–178; ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 69, л. 68.
- ⁷³ *Елдъргов С.* Указ. соч. С. 287.
- ⁷⁴ Там же. С. 288; Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война. С. 177–187.
- ⁷⁵ Централен партиен архив – София (далее – ЦПА), ф. 998, оп. 1, л. 1–5.
- ⁷⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 70, л. 41–52.
- ⁷⁷ *Гезенко И.* Дейността на Българския екзарх Стефан за спасяването на българските евреи през 1943 година // Известия на държавните архиви Т. 73. София, 1999. С. 50–51.
- ⁷⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 70, л. 41–50, 53–58.

- ⁷⁹ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 291.
⁸⁰ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 67, л. 187–188.
⁸¹ Там же, л. 191–200, 210.
⁸² Там же, л. 211–217.
⁸³ Там же, л. 227–235.
⁸⁴ Там же, л. 281–288.
⁸⁵ Там же, л. 289–290.
⁸⁶ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 269.
⁸⁷ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 67, л. 300–317.
⁸⁸ Там же, оп. 2, ед. хр. 166, л. 5, ед. хр. 167, л. 7.
⁸⁹ ВА, R901/69301, Bl. 4, 31, 106.
⁹⁰ *Donauzeitung.* 1941. 3 декабря.
⁹¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 10, л. 3.
⁹² ВА, R5101/22177, Bl. 129.
⁹³ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 271.
⁹⁴ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 10, л. 4–5.
⁹⁵ Там же, ед. хр. 10, л. 5–8.
⁹⁶ ВА, R901/69301, Bl. 198.
⁹⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 242; *Якунин В. Н.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002. С. 145.
⁹⁸ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее – СА), д. 17/41, л. 18.
⁹⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 68, л. 106–107, оп. 2, ед. хр. 166, л. 18.
¹⁰⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 166, л. 7.
¹⁰¹ *Жизнь Церкви.* Владимирова, 1943. Вып. 2. С. 37–38; *Церковная жизнь.* 1943. № 12. С. 171.
¹⁰² ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 69, л. 161, оп. 2, д. 166, л. 69.
¹⁰³ Там же, оп. 2, ед. хр. 166, л. 24, д. 167, л. 6 и др.
¹⁰⁴ *Църковен вестник.* 1943. 7 мая.
¹⁰⁵ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 71, л. 189, оп. 2, ед. хр. 166, л. 68, д. 167, л. 5–21.
¹⁰⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 10, л. 117–119.
¹⁰⁷ Там же, л. 132.
¹⁰⁸ Там же, оп. 1, ед. хр. 70, л. 186, 250.
¹⁰⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 106, л. 74–77.
¹¹⁰ *Църковен вестник.* 1943. 28 мая. С. 3; 4 июня С. 191; 18 июня. С. 201–202; 25 июня. С. 212.
¹¹¹ *Елдьров С.* Указ. соч. С. 242.
¹¹² ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 10, л. 14, ед. хр. 25, 162.
¹¹³ Там же, ед. хр. 84, л. 1.
¹¹⁴ Там же, ед. хр. 10, л. 1.
¹¹⁵ Там же, ед. хр. 106, л. 67–69.
¹¹⁶ *Църковен вестник.* 1944. 1 марта.
¹¹⁷ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 71, л. 1–4, 35, оп. 2, ед. хр. 11, л. 2, 25, 26; *Spuler B.* Die orthodoxen Kirchen // *Internationale kirchliche Zeitschrift.* Bd. 34. Heft 1/2. 1944. S. 71; *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 205.
¹¹⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 105, 115.
¹¹⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 13, л. 29–34.
¹²⁰ *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Hitler, wie er wirklich war. Stuttgart, 1976. S. 55.
¹²¹ ВА, R5101/23177, Bl. 159; *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 202.
¹²² ВА, R5101/23177, Bl. 135–138, 151–157, 160, 168–170.
¹²³ *Völkischer Beobachter.* 1943. 15 октября; ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 70, л. 240, 250.
¹²⁴ ВА, R5101/23177, Bl. 161–162.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- ¹²⁵ Ebd., R6/178, Bl. 76; Politischen archiv des Auswärtigen Amts Bonn (AA), Inland I–D, 4779.
- ¹²⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 70, л. 211–212.
- ¹²⁷ Там же, оп. 2, ед. хр. 106, л. 78.
- ¹²⁸ Църковен вестник. 1943. 15 октябрия.
- ¹²⁹ AA, Inland I–D, 4756, 4757.
- ¹³⁰ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, ед. хр. 22, л. 17–18.
- ¹³¹ Там же, л. 24–27.
- ¹³² AA, Inland I–D, 4756, Bl. 60–61.
- ¹³³ Ebd., Inland IIg 280, 2489.
- ¹³⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. 1941–1945 годы. М., 1999. С. 507.
- ¹³⁵ Там же. С. 507–508.
- ¹³⁶ *Потрашков С. В.* Антигитлеровская коалиция и Болгария 1941–1944 гг. Харьков, 2005. С. 85.
- ¹³⁷ *Поленков О. Ю.* Третий рейх. Война: до критической черты. Кн. 1. СПб., 2005. С. 350.
- ¹³⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 72, л. 58–63.
- ¹³⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 30, л. 1–3 об.
- ¹⁴⁰ *Елджоров С.* Указ. соч. С. 300.
- ¹⁴¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, ед. хр. 72, л. 70.
- ¹⁴² *Потрашков С. В.* Указ. соч. С. 270.
- ¹⁴³ ЦДА, ф. 246к, оп. 4, ед. хр. 158, л. 1–2; *Скурат К. Е.* Указ. соч. С. 268; *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 49.
- ¹⁴⁴ ЦПА, ф. 1, оп. 6, № 539; *Бълхова М. И.* Указ. соч. С. 212.